

ANNIE

DAR

ПЕСНЯ

ВОЛЧЬЕЙ

КРОВИ

18+

Anne Dar

Песнь волчьей крови

«Автор»

2017

Dar A.

Песнь волчьей крови / А. Dar — «Автор», 2017

В свои семнадцать лет Аврора живет весьма интересной жизнью одаренного подростка. Она не из тех, кто тратит себя на фальшивые эмоции, и не из тех, кто пытается выстраивать песочные замки в отношениях с обществом. Аврора по-настоящему умеет ценить то, что имеет, и это заметно отличает её от остальных. Однако, с вынужденным переездом в другую страну, её жизнь меняется. Грядущий год представляется девушке разрушительным, когда всё внезапно переворачивает всего одна встреча. PS: Другие миры можно увидеть лишь там, где пролегает граница твоей вселенной. Чужую жизнь можно почувствовать лишь тогда, когда имеешь представление о ценности собственной.

© Dar A., 2017

© Автор, 2017

Содержание

1. Проблемы	5
2. Маленький и уютный мир	10
3. Слишком долгий путь	15
4. Разбросанный хутор	19
5. Ясельная группа	23
6. Первый бой	28
7. Удовольствие в другом	32
8. Средство передвижения	37
9. Приглашение	40
10. Фейерверк бабочек	45
11. Глаза	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Anne Dar

Песнь волчьей крови

1. Проблемы

Я сидела в своей комнате, в новом компьютерном кресле, за старым письменным столом, и, грызя простой карандаш, умиротворенно смотрела в окно. Вид был не самым волшебным – всего лишь выбеленная пятиэтажка, расположенная сразу через дорогу напротив нашего дома, являющаяся точной его копией, но мне всегда нравилось рассматривать лепные завитки, украшающие её фасад. Каштан, растущий под окном нашего дома, имел брата-близнеца по ту сторону дороги, отчего еще больше создавалось впечатление, будто я смотрю не в окно, а в громадное отражение своей стороны улицы.

Всю прошедшую неделю стояла сильная жара, раскрепощающая жителей Истборна*, но сегодня от солнечных лучей не осталось и следа (*Город и одно из любимейших мест морских купаний в Англии в графстве Восточный Суссекс на побережье Ла-Манша, образует административный район). Светло-серая пелена заволочла узкие улочки нашего города, прокравшись в него с ранними сумерками, и теперь едва ли согласится оставить свои позиции вплоть до конца сентября.

И всё же, моя умиротворенность была всего лишь видимостью, которую я неосознанно создавала всякий раз, когда сталкивалась со стрессовой ситуацией. Я всегда считала, что лучшее, что может сделать человек в очевидном критическом положении – это сосредоточиться, чтобы трезво взвесить все плюсы и минусы сложившейся ситуации и только после этого решать, с какого именно ракурса можно получить лучший обзор на складывающуюся мозаику. Не то чтобы у меня было много проблем (у дантиста-байкера со сломанной правой рукой и ногой, живущего через дорогу, проблем сейчас наверняка было больше), но их было достаточно, чтобы заставить меня зависнуть в пространстве на целых полчаса.

Проблема №1. Школа.

Чего врать, само слово “школа” во все времена ассоциировалось у несовершеннолетних со словом “проблема”, вот только у меня была не обычная школа и проблемы, связанные с ней, у меня всегда были не совсем обычными. С десяти лет я посещаю лицей для одаренных детей и вполне довольна данным фактом: со мной работает “золотой” преподавательский состав, я имею доступ к лучшему среднему образованию во всей Юго-Восточной Англии, у меня блестящие отношения с одноклассниками, много замечательных знакомых и отменные друзья. Я едва ли не самый счастливый школьник во всем мире. Вот только не на данный момент. На данный момент мне необходимо было положительно закрыть региональную олимпиаду по математическому анализу, к которой я готовилась всё лето, одновременно с олимпиадой по всемирной художественной литературе 18-20-ых веков, к которой я начала подготовку лишь две недели назад. И когда я говорю “положительно закрыть”, я вовсе не имею в виду войти в пятерку лучших, я имею в виду взятие первых мест, как я сделала это в прошлом году по географии, химии и всемирной истории. Вот только в прошлом году олимпиады по всем трем предметам разделял недельный отрезок, в то время как в этом году я должна буду успеть покончить с математическим анализом прежде, чем закончится литературная олимпиада, начало которой назначено часом позже. Фактически, я должна была погнаться за двумя зайцами и обоих схватить за уши. Такой интриги со стороны преподавателей математики и литературы я не ожидала, тем

более с учетом того, что они не являются заядлыми врагами (они супруги), и кто-нибудь из них мог бы уступить меня другому, но не срослось...

Возможно, мне бы не казалось всё столь критичным, если бы прямо перед моими глазами не маячил чемпионат по смешанному волейболу между Восточным Суссексом, капитаном команды которого являюсь я, и Брайтон-энд-Хов. К этому чемпионату, в отличие от школьных олимпиад, я готовилась на протяжении всего года. В течение пяти лет к ряду Брайтон-энд-Хов обыгрывал Восточный Суссекс и только в прошлом году уступил нам со счетом 25:21. Это был первый год, когда я вступила в команду. После победы наш тренер еще месяц говорил о том, что золотой кубок достался Восточному Суссексу лишь благодаря тому, что я в последний момент согласилась принять участие в чемпионате, однако я была недовольна столь неубедительной победой. В итоге я согласилась остаться в команде еще на год, но сделала это лишь ради того, чтобы в следующий раз уверенно разгромить своих противников.

И вот теперь, когда до чемпионата осталось всего несколько дней, я должна заботиться об олимпиадах по матанализу и литературе, которые состоятся спустя сутки после игры... События накладывались слоями друг на друга, отчего я была совершенно не в восторге.

Проблема №2. Свидание с Генри.

С Генри мы познакомились на вечеринке в честь дня рождения. Мы оба были приглашены: я – наверное, потому, что являлась одноклассницей добродушно-веселого раздолбая, задницу которого периодически прикрывала по всем непрофильным предметам, он – наверняка потому, что был старшим братом этого самого раздолбая. Голубоглазый блондин с широкой улыбкой едва не опрокинул на меня таралетки, чем и привлек к себе моё внимание. Этим же вечером он подвез меня домой на подержанном автомобиле своего отца, а уже утром написал мне сообщение, содержание которого я толком не помню, но его суть заключалась в том, что парень приглашал меня посетить с ним фестиваль воздушных змеев. Едва ли я могла воспринимать подобный поход в качестве свидания, однако, как позже выяснилось, так “легко” отнеслась к обычной прогулке только я – Генри и моя мать были кардинально противоположного мнения.

По моим негласным подсчетам, в нашем классе только я, серая мышка Кейт и недотрога Молли оставались девственницами, но даже у Кейт и Молли уже был опыт с поцелуями. Когда моя мать узнала, что девяносто восемь процентов моих одноклассниц уже живут половой жизнью, она всерьез обеспокоилась тем, что её дочь “отстает” от остальных. Что значит отстаю?! В чем?! Не важно... Уже спустя неделю после фестиваля воздушных змеев, я шагала рядом с Генри в сторону кафе-мороженого, так как моя мать, узнав, что я в очередной раз решила отказаться от встречи с голубоглазым блондином из-за внеочередного желания поднатаскаться по матанализу, буквально вытолкнула меня из квартиры. Она переживала. Всегда. По любому поводу, связанному со мной. Так что, когда она не переживала о моём преждевременном интеллектуальном развитии, она начинала трястись над моей “стагнацией” в половой жизни.

Генри мне нравился, но, по-видимому, маме он нравился куда сильнее. Почти каждый вечер она спрашивала меня о голубоглазом блондине, а когда понимала, что я не горю желанием о нем говорить, начинала говорить о нем сама, пересказывая мне давно известные факты из жизни парня. Больше всего ей нравилось говорить о его обучении в университете Брунеля, где он изучал азы международного бизнеса, и о том, что парень всего на четыре года старше меня (что, по сугубо личному мнению моей матери, было отличным параметром для начала взаимоотношений между парнем и девушкой).

В том, что Генри питает ко мне чувства, у меня не было сомнений. Ни у кого не было. Для того чтобы это понять, достаточно было изучить его подписи под десятью нашими совместными фотографиями, которые он выложил в своем аккаунте. Например, фотография, на

которой мы стоим на пляже, полубокком к камере, подписана Генри как “#СчастьеБлизко”, а на фотографии, где мы сидим в компании его друзей в Макдональдсе, дорисованная стрелка справа от моей головы гласит “Обладательница самых красивых глаз”. Генри мне нравился, и, чего таить, он был весьма симпатичен, вот только я не чувствовала “бабочек в животе”, о которых моя мама так много мне рассказывала.

На этих выходных Генри должен приехать в город, и у нас уже намечена встреча в Хампдене* (*Парк), но, почему-то, меня это не заставляет прыгать до потолка. Предчувствие того, что на сей раз у меня не удастся предотвратить очередную попытку Генри совершить, первый для нас и отдельно для меня, поцелуй, заставляло меня сомневаться в том, что я действительно хочу целоваться с этим голубоглазым красавцем. Хотя все его друзья и, благодаря его брату – моему однокласснику, все мои друзья считали нас парой, я всё еще не могла понять того, как я умудрилась начать с кем-то отношения и даже не осознать этого. Эти отношения не казались мне скоростным локомотивом, с которого я не могла спрыгнуть, не переломав себе кости. Скорее они напоминали мне дебри, и чем дальше я в них заходила, тем больше запутывалась. Я терпеливо ожидала бабочек в животе и звёздочек в голове, но они не появлялись, что заставляло меня всерьез сомневаться в том, что я действительно влюблена. Прежде я никогда не влюблялась, поэтому не могла пойти по принципу сравнения – сравнивать было не с чем.

В итоге, я пришла к выводу о том, что этот красивый блондин мне очень нравится, но не более того. И уже в эти выходные мне предстоит либо наверняка приобрести себе парня посредством поцелуя, либо, наконец, избавиться от этой головной боли. Не знаю почему, но я разрывалась между двумя этими вариантами, так как и первый, и второй с одинаковой силой манили меня на свою сторону.

Проблема №3. Благотворительная вечеринка в поддержку начинающей местной поп-группы “Мармеладный Шоколад”.

Когда Мэдисон подошла ко мне в раздевалке после очередной тренировки, я думала, что она снова попросит помочь ей отработать нападающий удар мячом, но всё оказалось куда хуже. Девушка протянула мне листовку, на которой, из трех силиконово-пластических див, я смогла узнать её старшую сестру. Мэдисон была отличной девчонкой, выкладывающейся на тренировках на все сто, наверное, поэтому, как капитан команды, я не смогла отказать ей и в итоге сама не поняла, как дала своё обещание прийти на благотворительную вечеринку “Мармеладного Шоколада”. В результате Мэдисон была на седьмом небе от моего согласия, а я была где-то между небом и землей, стараясь улыбаться как можно более ровно. Уже позже я узнала о жестком дресс-коде и о том, что мне будет сложно его соблюсти.

В школе я была первой нарушившей негласное правило ношения девушками юбок. Наш лицей отличался красивой школьной формой бордового цвета, которая мне всегда безумно нравилась. Парни носили пиджаки с черными брюками, девушки же сочетали с пиджаками юбки в клетку, но неотъемлемой и моей самой любимой частью наших костюмов был клетчатый галстук. Я никогда не стремилась к мужеподобной красоте, о чем ярко свидетельствовали мои густые, темные, почти черные волосы длиной ниже лопаток, и тем более, я никогда не задумывалась о феминизме, но когда два года назад идиот из параллельного класса задрал моей однокласснице юбку, я не на шутку взбунтовалась. Уже спустя неделю после произошедшего, я, в серьезных дебатах с администрацией лицея, добилась официального разрешения на ношение девушками брюк, а еще через месяц большая часть лицейсток забросила свои короткие юбочки в дальние полки школьных шкафов. Естественно о моем относительном подвиге, который я считала всего лишь выражением собственного мнения, написали в школьной газете, но позже сюжет перетек на первую полосу региональной прессы, после чего мне пришлось отказываться от предложений официально представлять права феминисток, подростковых сек-

суальных меньшинств и брошенных собак. Наверное, мне только защиту прав потребителей не предлагали возглавить.

Я решила активно игнорировать развернувшийся вокруг моей персоны информационный ураган, что поспособствовало ему утихнуть в достаточно сжатые сроки, однако позже преподаватели часто напоминали мне этот случай, когда хотели завлечь мою кандидатуру в очередные сообщества по вышиванию гладью или лепки из полимерной глины, которых я с пятого класса избегала как огня, считая подобные занятия утечкой моего драгоценного времени.

Итак, мне следовало до следующей субботы найти мини-платье либо мини-юбку, либо макси-ремень, который со стороны будет смахивать на мини-юбку, так как дресс-код “Мармеладного Шоколада” был жесток и беспощаден, а у меня не было ни единого платья выше середины бедра. Но худшим являлось даже не это. Репертуар “Мармеладного Шоколада”, творения которого я нашла в бескрайних просторах социальных сетей – вот что самое худшее во всей этой истории. Композиции были откровенно ужасны, что неплохо отразилось в названиях самих песен, таких как “Бей меня сильнее”, “Я забыла, где я есть” и, моя любимая, “Узнай меня крепче”. Мне определенно предстоял сложный вечер...

Проблема №4. Пижамные посиделки.

Мишель, моя соседка по лестничной площадке, поступила в Брайтонский университет на факультет биомедицинских наук. После мелкой аварии у нее развилось воспаление лицевого нерва, от которого она успешно отделалась легким испугом. Данное заболевание помешало Мишель выйти на учебу ровно в срок, отложив её переезд в кампус на пару недель, а так как она решила организовать небольшой праздник непосредственно перед своим отъездом, он должен был состояться уже через девять дней. По идее, количество гостей не должно было превышать отметки в десять баллов, однако вчера стало известно, что к общему веселью присоединятся плюс две кухни виновницы торжества. Я с рождения отлично находила контакт с незнакомыми мне людьми, благодаря чему в толпе незнакомцев всегда чувствовала себя словно рыбой в воде, так что проблемой данное событие я считала точно не из-за антропофобии* (* Социальный страх, выражающийся в боязни людей вообще и желании отдалиться от них как можно дальше). Проблемой также не являлось отсутствие нормальной пижамы или необоснованное желание провести вечер в крошечном уединении. Проблемой стало печенье. По условиям вечера, каждая гостья должна была принести с собой печенье собственного приготовления и, не знаю какой такой лотереей, но мне выпало макарон* (* Французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля). Так как остальные варианты уже были разобраны, мне ничего не оставалось, как только принять свою участь. Не то чтобы я не умела готовить – у меня получалось готовить куда лучше своей матери – вот только я ненавижу готовить то, что занимает у меня более получаса или то, что содержит много ингредиентов. По факту, я умею готовить, но не люблю. Можно было, конечно, купить печенье и выдать его за свое, как это делает девушка из соседнего двора, о чем она в открытую предупредила (всегда уважала её за честность), вот только я не могла подойти к столь ответственному заданию с таким безразличием. Так что готовки мне было не избежать.

Во всяком случае, я всех предупредила о том, что в подобных вещах я профан, так что от меня уже не должны ожидать волшебства.

Проблема №5. Деньги.

Извечная проблема всех подростков. Вот только мне деньги были нужны не на банку пива, новые серьги или на поход в клуб. Пару месяцев назад один мой друг попросил приглядеть за своим четвероногим товарищем, вот только не предупредил, что ротвейлер скло-

нен к порче имущества. В итоге я с легкостью, без всяких задних мыслей, согласилась взять к себе на пару часов эту милую тварь, параллельно решив выполнить поручение матери, которая ранее попросила меня купить к вечеру сливок. Я буквально на десять минут оставила пса дома, а когда вернулась, обнаружила эту довольную морду грызущей мой и без того дряхлый мольберт, которому в этом году должно было исполниться тридцать пять лет. Не знаю как, но пес буквально раскромсал орудие моего труда в клочья. Да на этом мольберте еще моя мать в младенчестве рисовала, и у него были все шансы дожить минимум до моих внуков!

Несвоевременная кончина мольберта стала сильным ударом для меня и моего кармана. Однако я стойко признала собственную вину, так как именно я приняла решение оставить зверюгу без присмотра, поэтому хозяин пса даже не узнал о произошедшем, так как, зная его, я была уверена в том, что парень, во что бы то ни стало, попытается возместить ущерб, чем изрядно мне надоест.

Вскоре выяснилось, что одалживать мольберт матери – это не вариант, так как он редко бывает свободен (хорошо еще, что пес не погрыз её станок!). Так что деньги мне сейчас нужны были на мольберт. Плюс ко всему и краски заканчивались, и кисти износились...

Всё еще смотря в окно и грызя простой карандаш, я умиротворенно раскладывала свои проблемы по полочкам, как вдруг раздался хлопок входной двери. Машинально переведя взгляд на миниатюрные настольные часы, я отметила, что сегодня мама пришла слишком рано. Уже спустя минуту услышав приближение шагов к своей комнате, я откинулась на спинку кресла и повернулась к вошедшей в мою комнату матери.

– Я тут подумала, – начала я, тарабани карандашом по своей ладошке. – Можно взять твистер* на пижамную вечеринку к Мишель (*Подвижная напольная игра для активной компании).

– Что? – переспросила женщина, закатывая рукава своего карамельного свитера. Моя мать всегда предпочитала светлые тона и не только в одежде. Она никогда не позволяла себе темных аксессуаров (у нее даже солнечные очки были светло-серого цвета) и темных тонов в обстановке квартиры. Даже её короткая стрижка “каскад” была пшеничного цвета. Лиса неоднократно высказывалась против моего пристрастия к темным тонам в одежде, особенно к черному цвету, однако она никогда не навязывала мне своего мнения, тем самым открыто позволяя мне самовыражаться от длины волос, до стиля в одежде.

– Твистер, который ты подарила мне на двенадцатилетие, – приподняла бровь я, заметив, что моя мать сейчас думает о других вещах, из-за чего совершенно выпадает из диалога.

– Мои работы прошли конкурс, – с непонятными, но явно разрывающими изнутри эмоциями, произнесла мама. – Меня утвердили на поездку за границу.

– Круто, – замерла я, радуясь и одновременно страшась чего-то еще мне неизвестного.

– Со мной хотят подписать контракт на год, – продолжала вдавливать меня в счастье мать. – Он предусматривает собой полностью оплачиваемые расходы на моё содержание: медицинская страховка, номер в отеле, питание, досуг плюс заработная плата. Сразу после подписания договора мне выдадут на руки приличный аванс, чтобы я смогла подготовиться к переезду.

– Классно, – шокировано заулыбалась я. – Это классно. Когда выезжаем? – спросила я, и перед моими глазами мгновенно всплыла наша волонтерская работа в Серенгети* (*Национальный парк площадью 14 763 км² в регионе Серенгети, расположенный в Танзании). Моя мать всегда была энергичным деятелем, из-за чего нас регулярно бросало из стороны в сторону. Два года назад мы отправились в Серенгети, и всё моё лето прошло под палящим солнцем Африки, в веселой компании гепардов и каракалов. Крутой опыт, за исключением того, что я до сих пор с содроганием вспоминаю, как с меня слоями слезила обгоревшая кожа.

– Они не готовы оплачивать расходы родственников. Поехать может только участник.

Мой карандаш, прежде неритмично выстукивающий по ладони, повис в воздухе.

2. Маленький и уютный мир

Стоя у стойки регистрации в Гатвике*, я совершенно ни о чем не думала (*Второй по размеру аэропорт Лондона и второй по загруженности аэропорт Великобритании после Хитроу). За сутки перед этим я перерабатывала мысль о лимоне и лимонаде – если жизнь подбросила тебе лимон, сделай из него лимонад – и пришла к выводу, что я тот еще блендер и наверняка сотру этот цитрус так виртуозно, что от него даже мякоти не останется. Однако от этого легче не стало.

Естественно мама говорила о том, что откажется от этого проекта, и естественно я убеждала её в том, что её отказ – полное безумие. Пять месяцев назад, в рамках международного проекта «Невидимая сила», мы совместно приняли решение подать заявку на её участие в проекте по обмену художниками между двадцатью странами мира. Выиграть в подобном мероприятии с заоблачным конкурсом в сто два кандидата на место – это всё равно, что сорвать джек-пот. Не то, чтобы я не верила в нашу победу и тем более в материнский талант – я скорее не ожидала, что всё обернётся таким образом. Вернее сказать – я не обдумала последствия. И вот, после получасового уговора с обоснованными выводами, я убедила Лису Метс на подписание контракта, хотя была абсолютно уверена в том, что мои уговоры – это всего лишь формальность, без которой нам обеим было бы сложно в дальнейшем общаться друг с другом. Что-то мне подсказывало, что у нас было два пути развития событий: либо я поддерживаю мать, как делала это всякий раз во всех её заварушках, и мы не беспокоимся о благосостоянии друг друга, либо я несвоевременно начинаю проявлять несвойственный мне подростковый максимализм, после чего мы всё равно разлетаемся в разные концы света, но делаем это на плохой ноте, из-за чего на протяжении последующего года мучаемся мыслями друг о друге. На протяжении года! Целого года! Кто бы мог подумать, что такое вообще возможно – выпасть из устоявшейся жизни на год, чтобы затем вернуться обратно.

За прошедшую неделю мы успели сделать всё, что обычно успевают сделать две взбужденные курицы, носящиеся по вольеру в поисках своих яиц. Укладка вещей, решение проблем с ЖКХ, покупка дорожных сумок, сбор документов, лазерная эпиляция, возвращение долгов, масштабное обновление гардеробов из выделенных проектом денег – и это только верхушка айсберга, о который мне больше никогда не хочется биться своим многострадальным мизинцем.

Три последних дня солнце заливало Восточный Суссекс, так что, отчасти из-за резко испортившейся вчера погоды, моё настроение сегодня не было выше отметки “стабильно параллельное”. Забрав свой паспорт у регистратора, я подошла к матери, у которой посадка заканчивалась уже через двадцать минут. Я была рада за нее всем сердцем, честно, но я совершенно не радовалась своим перспективам. Вернее их отсутствию.

– Я тебя люблю, дорогая, – улыбаясь, уже стоя у выхода на посадку, выдохнула мама.

– И я тебя люблю, – попыталась улыбнуться я.

– Думаешь, я правильно поступаю?

– Я думаю, что мы правильно поступаем. Мы вместе.

– Забавно, но ты всегда была взрослее меня, – сконфуженно улыбнулась Лиса. Она всегда мне говорила о том, что я старше своего возраста, но она говорила это всерьёз, а не как большинство мамаш-наседок, которые говорят своим детям о том, что они уже взрослые, лишь для того, чтобы малолетки воображали из себя невесть что.

– Забавно то, что ты всегда хотела жить в Нью-Йорке, а будешь жить в Нью-Дели, – улыбнулась я, разведя руки в карманах своей распахнутой куртки. – Тебе пора. До окончания посадки осталось меньше десяти минут.

– Ты мой рассвет, – продолжительно провела рукой по моей щеке мама, и на ее правом запястье оголилась миниатюрная татуировка, изображающая зарю, подписанную витиеватыми буквами, складывающимися в слово “Рассвет”. – Будь на связи, – уже обнимая меня, попросила она, и в этот момент я всем своим существом почувствовала её искреннюю благодарность за моё понимание, которое было слишком натянутым. О чем, впрочем, знала только я.

– Позвони, когда доберешься до точки назначения, – выдохнула я, заключив свою художницу в крепкие объятия, и впервые заметила, что обошла свою мать ростом.

Я еще с минуту простояла у выхода на посадку к рейсу до Дубая, глядя в пустой тоннель, в котором скрылась моя мать. Ей, в отличие от меня, не так повезло с перелетом – придется делать пересадку в Дубае, из-за чего она окажется в Нью-Дели лишь спустя четырнадцать часов. Я же, за девять с половиной часов, прямым рейсом долетала до Канады. Однако на этом моё везение заканчивалось. Из аэропорта я должна была добраться до вокзала, который, к счастью, находился не очень далеко, потом меня ожидало десятичасовое углубление в малознакомое мне государство, затем пересадка на маршрутку, после чего мне предстоит пережить еще пять часов тряски и, вуаля, я в Грей Плэйс* – городе, название которого говорит само за себя (*Серое место).

До моего рейса оставалось немногим более часа, поэтому я направилась в зал ожидания, решив переждать в нем момент отрешения от происходящего. Из вещей у меня был всего лишь огромный чемодан на колесах, который я уже успела сдать в багаж, и внушительных размеров дорожная сумка из кожама. Все вещи для своего выживания в течение года на другом конце света с собой взять я не смогла, поэтому взяла только самое необходимое, отправив остальное почтовой пересылкой за неделю перед вылетом.

Мои проблемы, которые до этого момента казались мне невероятно весомыми, внезапно рассыпались в прах и теперь смотрелись всего лишь пепельной крошкой на фоне того, что сейчас происходило в моей жизни. В итоге я отделалась от готовки печенья, чему была рада, хотя не так, как от отмененного похода на благотворительную вечеринку в поддержку “Мармеладного шоколада”. Меньше радовал тот факт, что я зря всё это время готовилась к олимпиадам по математическому анализу и всемирной литературе, однако мне быстро нашли замену в лицах одноклассников, так что я почти не считала себя подставной личностью, утешая себя тем, что, в конце концов, обстоятельства оказались выше моих возможностей. Меньше меня утешала ситуация с Генри. Узнав, что я улетаю, парень едва ли не расстроился больше меня. В итоге я успокоила его тем, что за этот год я повзрелею и наконец “созрею” для серьезных отношений, после чего он вдруг пообещал, что дождет меня. Своим обещанием этот парень загнал меня в тупик, и мне буквально пришлось пообещать, что “я изо всех сил буду пытаться его дожждаться”. По-моему Генри понял двусмысленность моей формулировки, но всё равно мы расстались так, как расстаются пары со стажем, словно ожидание окончания следующего года стала для нас обоих главной целью наших жизней.

Самым приятным из моих недо-проблем был чемпионат по смешанному волейболу – единственное, что мне удалось достойно решить. Мы выиграли с разгромным счетом 25:14, чего я и требовала от себя, и своей команды. Семнадцать из двадцати пяти мячей были забиты благодаря силе моего удара (восемь из них я выбила своей коронной подачей в прыжке), которую тренер противников официально провозгласил “феноменальной”. Игра состоялась за сутки до моего отлета, так что на вечеринку, организованную на следующий вечер в честь нашей победы, я так и не попала, хотя считалась непосредственной её виновницей, и меня обещали умыть тортом.

Тем не менее, все мои мысли сейчас были только о маме и о том, правильно ли я поступила, отпустив её одну на другой конец света. Она никогда не отличалась гипер-самостоятельностью, и так как прежде мы никогда не расставались, мне еще не приходилось столь сильно переживать из-за её таланта – находить приключения на свою голову.

Моя мать действительно была талантливым человеком. Но талант не всегда значит успех. По крайней мере, в случае с Лисой Милтон. Впервые она взяла в руки кисть в десятилетнем возрасте и с тех пор не расставалась с ней даже на прогулке – в её сумочке всегда можно было откопать разномастные кисти. Она родилась и выросла в сером, зачуханном городишке под названием Грей Плэйс, расположенном где-то в дебрях Канады. Её мать вышла замуж в двадцать “лет” за человека, который был старше её на двенадцать “зим”. Они прожили в браке всего четыре месяца, после чего мой дед погиб при несчастном случае. Моя бабка была на первом месяце беременности, когда это произошло. Затем родилась моя мать, а когда ей исполнился год, бабушка снова вышла замуж, на сей раз за девятнадцатилетнего эмигранта из США. Она взяла фамилию нового мужа, которой наделила и свою дочь, и еще через год родила мальчика.

После окончания школы мама уехала из Грей Плэйс в противоположный конец страны – в Брамптон, где и пыталась выстроить свою карьеру художника. И вроде бы у нее все получалось – за следующие десять лет она даже смогла самостоятельно накопить на квартиру, но всё равно того успеха, о котором она мечтала со школьной скамьи, она не получила. На сорок четвертом году жизни умерла её мать, еще через шесть лет отдал душу и её отчим, которого мама до сих пор вспоминает как отличного отца. К моменту смерти второго родителя, моя мать уже успела приобрести себе квартиру, так что дом, без малейших претензий на наследство, она оставила своему младшему брату. Дядя Джордан к тому времени уже работал хирургом в соседствующем с Грей Плэйс городе, хотя и оставался жить в родительском доме с женой и четырехлетним сыном.

Моя мать родила меня в тридцатилетнем возрасте. Она никогда не была замужем и никогда не рассказывала мне о моем отце. Несколько раз я пыталась узнать у нее о своем втором родителе, но всякий раз тонкая натура моей художницы замыкалась в себе, что заставляло меня отступать – я терпеть не могла, когда мама начинала теребить кончики своих коротких волос, что было явным признаком панического беспокойства, которое всякий раз накрывало её перед важным событием или после неприятных инцидентов.

Внешне мы с мамой были совершенно непохожи, и едва ли можно было проводить параллель между моими темно-синими глазами и её светло-голубыми, но в детстве мне хотелось думать, что я хоть чем-то похожа на свою красавицу-маму, поэтому я взяла за основу нашей схожести именно глаза. Однако я скорее была её противоположностью, нежели подражанием: мои длинные, черно-шоколадные волосы против её короткой стрижки пшеничного цвета; мои темно-синие глаза против её светло-голубых; мои относительно пухлые губы против её относительно тонких; мои скулы против её милых щек; мой курносый нос против её прямого; да и ростом я её немного обогнала – ровно метр семьдесят пять. Одна из многочисленных подруг матери однажды сказала мне, что мой отец наверняка был знойным красавцем, если судить о его внешних данных по моей внешности. После этого замечания я впервые попыталась составить воображаемый портрет своего отца, но у меня это совершенно не вышло, и больше я не забивала свой мозг разнообразным хламом на эту тему.

У моей матери были достаточно тяжелые роды, от которых у нее до сих пор мурашки по всему телу пробегают. Она не могла меня родить на протяжении девятнадцати часов, но, после долгих мук, я всё-таки появилась на свет и прокричала своё первое: “А-а-а-а!”. Иногда мама говорила, что я родилась с первым рассветным лучом, иногда утверждала, что я заплакала в момент проникновения этого самого луча в палату, но суть всегда оставалась одной – своё имя я получила именно от рассвета. Фамилия же мне досталась от биологического отца матери, не смотря на то, что сама мама носила фамилию отчима – ей очень хотелось, чтобы фамилия её родного отца не пропала, но свою фамилию она не хотела менять, так как считала это неуважением к своему второму отцу. В итоге Лиса Милтон принесла в свою квартиру в Брамптоне Аврору Метс, где они прожили еще семь лет. Именно в семилетнем возрасте я переехала из

Канады в Англию, поменяв Брамптон на Истборн. Со временем я получила двойное гражданство, однако так сильно приобщилась к Британской культуре, что взаправду начала считать себя англичанкой. Для меня Канада стала ассоциироваться со вторым местом: государство, занимающее второе место в мире по площади; Монреаль – второй крупный франкоязычный город после Парижа; башня Си-Эн в Торонто – вторая по высоте башенная структура в мире, построенная человеком; Брамптон – вторая моя родина. Так сложилось, что Великобритания на пьедестале побед стояла у меня на первом месте: мои первые настоящие друзья; моя первая собственная комната; моя первая победа в волейболе; мой первый запуск воздушного змея; мои первые самостоятельные походы в кино; моя первая картина; мои первые уроки плавания; мой первый велосипед; мои первые попытки сконструировать модель самолета с мальчиком из соседнего подъезда; моё первое желание потрогать звезду и исполнение его мамой, посредством шупанья морской звездочки... Список бесконечен.

И всё-таки залогом моего счастья была именно мать, которая наверняка даже не подозревала об этом. До определенного возраста я не задумывалась о взаимоотношениях мамы с противоположным полом, но сейчас, оценивая её жизнь с позиции зрителя, я понимаю, что счастья в мужчинах она так и не нашла. За всю жизнь я помню только двоих мужчин, с которыми мама поддерживала отношения около года – обоих звали Бенами, только первого Бенджамин, а второго Бенедикт. С первым она начала встречаться, когда мне было двенадцать, а со вторым, когда мне едва исполнилось четырнадцать. С Беном Первым она рассталась из-за религиозных разногласий (моя мать воспитала меня христианкой, за что я ей благодарна всем своим сердцем, так как данный фактор выработал во мне сильный моральный стержень), с Беном же Вторым она порвала из-за его пристрастия к курению, с которым он не собирался расставаться (у нее слезились глаза из-за того типа сигар, которые он курил) и его нежелания признавать того факта, что из нее выходит куда более лучшая художница, нежели домохозяйка.

И всё же, мужским вниманием моя мать никогда не была обделена. Она обладала весьма красивой фигурой, на поддержание которой ежедневно убивала очень много времени. Лиса Милтон всегда завидовала белой завистью моему телу, утверждая, что она в моем возрасте страдала от пары лишних кило. Я прекрасно знала, что нахожусь в отличной физической форме, но свой идеальный торс и подтянутую задницу всегда воспринимала как должное, отчего никогда не изводила своё тело изнурительными тренировками. Я более чем уверена в том, что если бы я вдруг решила удариться в серьезный спорт, на моем прессе выскочил бы полный набор кубиков всего за месяц интенсивных тренировок. Но всё равно мой организм не был идеальным – мне приходилось носить очки во время работы над картинами или при каких-нибудь кропотливых и требующих внимание занятиях, хотя моё зрение не требовало от меня ношения очков во время чтения или писания. Мама объясняла это тем, что в детстве я часто билась головой, отчего моё зрение и притупилось, а мозг стал функционировать на уровне доктора философии. Обычно после подобных умозаключений моей матери мы долго смеялись над тем, что моя мать в детстве часто билась пятой точкой, отчего стала бакалавром в области приключений на свою... Голову.

Да, мы жили в идеальном содружестве. За что меня мама обожала, так это за то, что я устроила ей “веселого” подросткового возраста. Я же любила её за то, что она не стала матерью-эталоном, мнение которой всегда бы единолично утверждалось единственным верным в любой спорной ситуации. Эта женщина всегда была для меня загадочным миром, принадлежащим только себе и мне. Она будила меня среди ночи, чтобы я оценила её картины; вдохновлялась жасминовым чаем и хорошими книгами; иногда рвала свои недоделанные работы, называя их “мраком” или “подражанием”; плакала только из-за аллергии на лилии; пила полусладкое вино по пятницам и, после моего официального шестнадцатилетия, заполучила в моем лице собутыльницу (каждый вечер пятницы мы выпивали по полбокала); учила меня художественному мастерству; заставляла минимум один раз в месяц посещать с ней галерею Тейт*, в кото-

рой она часами зависала у картины Джорджа Стаббса “Кобылы и жеребята на фоне речного пейзажа” – иногда я успевала трижды обойти весь зал и по возвращению всякий раз обнаруживала её замершей напротив этой работы; прививала мне любовь к путешествиям, разъезжая со мной на каникулах по всей Британии; приучила меня к тому, что я должна была обращаться к ней по имени, когда действительно желала донести до нее важную информацию. Лиса считала меня усовершенствованной копией её, хотя я никогда не была её копией. *Я же считала её просто совершенной, хотя она никогда не была простой.*

(*Британская галерея Тейт – художественный музей в Лондоне, самое крупное в мире собрание британского искусства с 1500 года до наших дней).

3. Слишком долгий путь

Я спала. Я была уверена в этом, потому что еще до начала моего сновидения по моему подсознанию начала разливаться музыка. Совершенно незнакомая, нигде прежде не слышанная, она разливалась в моих сновидениях, была их прекрасной, милой, легкой, едва уловимой предшественницей, их нарастающей, яркой кульминацией и всегда неповторимым, иногда слишком резким, иногда чересчур плавным окончанием. Я была уверена в том, что мой мозг воспроизводил звуки флейты, постепенно смешивающейся с другими звуками, происхождение которых мне было сложнее определить. Наверное, это было диджериду, скрипка и барабан... Может что-нибудь еще – я не уверена.

За всю мою жизнь мне приснилось всего три сна. Они всегда снились один за другим, словно переливаясь друг в друга и образуя единый образ. Всех их соединяла мелодия, берущая своё начало еще перед началом сновидения и обрывающаяся лишь в самом его конце. Иногда эта мелодия начинала звучать в моих ушах еще до того, как я успевала войти в крепкую дрему, заставляя меня резко открывать глаза, чтобы зацепиться за тонкие ноты, но в реальной жизни они всякий раз ускользали от меня, не желая переступить рубеж моих снов.

И вот снова... Высокий мужчина с широкими плечами и длинными, густыми волосами стоит спиной ко мне. Я невероятно сильно хочу увидеть его лицо, но всякий раз, когда он почти поворачивается ко мне, начинается второй сон. Бегущая по пшеничному полю девушка, в струящемся платье кремового цвета с диковинной вышивкой. У девушки пушистые звериные ушки, красиво выглядывающие из-под её красновато-рыжих волос, длинной едва ли не до колен. Еще у нее есть хвост – большой, пушистый, огненного оттенка... У незнакомки невероятно добрая улыбка... Девушка очень красивая. В какой-то момент музыка начинает менять ритм, и вот картинка с весело бегущей девушкой сменяется ночным полем, с готовым к сбору урожаем... Оно горит. Не знаю почему, но мне так больно, что сердце разрывается на части, однако я отчего-то не могу плакать, словно слёзы навсегда застыли в моих глазах. Уже не девушка, но её призрак выходит ко мне из центра пламени и, улыбаясь всё той же милой улыбкой, протягивает мне свою белоснежную руку. И вот музыка переливается другими оттенками, я уже стою на закате нового дня в центре поля, покрытого пеплом, на мне платье, похожее на платье незнакомки, и ко мне подходит огромный волк фантастических размеров. Он настолько большой, что даже во сне мне становится страшно. Я начинаю с ним танцевать сначала под спокойную мелодию, но потом появляются ударные, и музыка становится более яркой, подобно той, что звучала во время пожара. Я боюсь этого волка, но еще больше боюсь его потерять. Он словно часть меня, без которой я не могу существовать. Волк становится на задние лапы, из-за чего сильно превышает мой рост, и мы начинаем танцевать странный танец в обнимку. Когда я раскрываю глаза на его груди, я осознаю, что передо мной уже не мохнатая волчья грудь, а широкая мужская спина, облаченная в черную ткань. Я обнимаю этого человека, но на мгновение отстраняюсь, чтобы взять его за плечо и повернуть к себе лицом. В этот момент музыка разливается наиболее живописными красками, и в моем подсознании звучит буква "P". Именно буква, а не звук. Словно из короткого рычания должно начаться слово, за которым прячется этот мужчина, но музыка обрывается прежде, чем я успеваю рассмотреть его лицо.

Резко раскрыв глаза, я с ужасом поняла, что меня сильно потрянуло. Спустя еще пару секунд толчок повторился, что означало, что самолет достаточно сильно штормит. Я не помнила свой перелет из Канады в Великобританию, который состоялся еще в детстве, так что я считала этот полет своим первым опытом. Естественно в первый раз все боятся путешествия на самолете, тем более над океаном, кишасщем акулами... Откровенно говоря, я не предполагала, что в мой первый раз мой самолет будет трясти, причем с такой силой. У меня не было соседа,

у которого я могла бы уточнить, что именно происходит, но так как я сидела у иллюминатора, я вполне смогла оценить масштаб грозовых туч, мерцающих от молний. В сумме нас тряхнуло пять раз, если только я что-то не проспала, когда мимо меня прошла стюардесса. Свет в салоне был приглушен, так что я не сразу оценила преклонный возраст дамы.

– Всего лишь воздушная яма. Посадка состоится через полчаса, – тихим голосом, словно стараясь не разбудить уже давно взъерошенных пассажиров, вежливо ответила мне женщина, после чего отправилась дальше по коридору, успокаивать таких же паникеров как и я, вот только легче мне от разъяснения обстановки не стало.

Оставшееся время до посадки я не могла сомкнуть глаз, с участившимся пульсом наблюдая за мерцанием молний в ночном небе. Ритм моего сердцебиения снова вошел в норму лишь после того, как я, с облегчением выйдя из здания аэропорта, коснулась своими замлевыми ногами асфальта. Ночной дождь был не сильным, так что капюшон куртки вполне справлялся с поставленной перед ним задачей укрыть меня от сырости.

Таксистов у самого выхода было пруд пруди, но двадцать пять долларов за проезд до железнодорожного вокзала – это явный перебор. И всё же у меня не было выбора, если только я не хотела заблудиться в незнакомом, залитом дождем, ночном городе, с учетом того, что до отправления моего поезда оставалось чуть больше двух часов.

Добравшись до пункта назначения за пятнадцать минут, следующие полтора часа я провела в зале ожидания, после чего последовала на посадку. Предъявив проводнику электронный билет, приобретенный мной еще в Истборне, я заняла своё верхнее место в купейном вагоне. Часы показывали два часа ночи, но спать совершенно не хотелось. Моими попутчиками стала семейная пара приблизительно лет сорока с десятилетним сыном, однако уже спустя три часа они вышли на одной из длительных остановок, и следующие семь часов до конечной я ехала в полном одиночестве. Полночи я подбадривала себя тяжелым роком в наушниках, лишь под утро, спрыгнув со второго этажа, чтобы купить себе чай и съесть несколько сэндвичей. Открыв мобильный мессенджер, я узнала о том, что мама уже добралась до пункта назначения и отлично обустроилась. Свой отчет о дороге я отправила ей еще из зала ожидания на вокзале, отчего она, судя по содержанию принятых мною стикеров, уже почти забыла переживать о своей единственной дочери.

Пейзажи Канады не шли ни в какое сравнение с пейзажами Британии. Прекрасные виды буквально заставляли меня липнуть к окну. Я с головой ушла в наслаждение новыми для себя картинками, до тех пор, пока проводник не сообщил мне о моем скором прибытии.

Тщательно перепроверив свои вещи, я вышла на перрон и замерла – пустошь. Только я, поле и диковинное здание вокзала. Поезд стоял на моей остановке не дольше минуты, но я всё же успела уточнить у проводника, не ошиблась ли я с остановкой. Оказалось, что не ошиблась. А жаль.

Пройдя внутрь старого здания вокзала, я узнала у кассира, что интересующая меня маршрутка отправляется с остановки напротив ровно в два часа дня. С облегчением выдохнув, я посмотрела на часы – было всего начало второго. Еще при общении с проводником я заметила, что меня выдает мой английский акцент, но только с женщиной-кассиршей я поняла, что различие весьма заметно. Однако я не всё умудрилась забыть из своего канадского детства, так что уже спустя несколько секунд всю болтала с разговорчивой кассиршей, подражая канадскому диалекту, что всё еще у меня получалось немного скомкано.

Покинув здание вокзала, я отправилась к указанной женщиной остановке. Сев на лавку и установив рядом свою увесистую сумку, я посмотрела на небо. Тусклое солнце здесь светило совсем не так, как в Британии. Казалось, будто оно закрыто стеклом, безжалостно преломляющим свет лучей в окружающем меня пространстве. Это было... Необычно.

Кроме меня на остановке никого больше не было, поэтому, когда вначале третьего маршрутка всё еще не собиралась появляться, я всерьез начала переживать. Я уже даже хотела возвратиться обратно на вокзал, чтобы повторно уточнить у кассирши информацию о прибытии интересующей меня маршрутки, когда из-за заброшенного здания, расположенного напротив вокзала посреди пустыря, выкатился новенький микроавтобус темно-синего цвета. Заплатив водителю без сдачи, мы вместе установили мои вещи в багажное отделение, в котором всего-то было места не больше чем на три чемодана, после чего я заняла с правой стороны салона одно из одиночных, задних сидений, чтобы уединиться в музыке и избежать возможного неприятного соседства со случайным попутчиком. В итоге оказалось, что я зря переживала – кроме меня, двух старушек, дамы с персидским котом и отца с пятилетним сыном мы по пути никого не подобрали, так что большая часть микроавтобуса так и осталась пустующей.

За пять часов езды мы сделали всего четыре остановки (пятая была конечной и моей), но остановки эти были не в оживленных городах, а в подозрительно тихих, каких-то уединенных городишках, спрятанных в горных лесах, которые поражали моё воображение своей первобытной красотой. Я впервые в жизни увидела величественные секвойи, подпирающие небеса своими кронами, обхват стволов которых был просто невообразим. Моя мама часто рассказывала мне об этих гигантах – у нее даже была пара пейзажей с их изображением – но, как бы сильно я не старалась, я не могла даже отдаленно представить всю мощь этих красавцев, которую возможно почувствовать лишь в непосредственной близости с ними, и от которой по коже пробегают вагоны мурашек.

Когда я отошла от дремы, до пункта моего назначения оставался всего лишь час. От встречающего меня на вокзале тусклого солнца уже не осталось и следа – небо затянуло свинцовыми тучами, изредка бросающими на землю тяжелые слезы. Чем ближе к городу мы подъезжали, тем уже становилась дорога и тем глубже мы заезжали в вековую тайгу. Казалось, будто я еду напрямиком в страшную сказку, в которой огромные корни великанов-деревьев служат им ногами, сотрясающими землю и кромсающими камни в пылевую крошку. Столько зелени я еще никогда не видела. Огромные деревья и густые кусты росли буквально вплотную к дороге, отчего создавалось впечатление, будто мы едем по природному лабиринту.

Из-за густоты закрывающих небеса деревьев и пасмурной погоды, потемнело гораздо раньше положенного срока.

На протяжении многих километров не было ни единого города и вообще никаких признаков жизни, пока мы не проехали мимо поворота на Форест Хилл* (*Лесной холм). Этот город не только казался, но и был очень крупным – в нем жило и работало двести двадцать тысяч человек. Каждый день сюда на работу приезжал и мой дядя Джордан, занимающий должность главного врача по хирургии в лучшей больнице в округе. Отсюда до Грей Плэйс оставалось немногим больше двадцати миль*, отчего моё сердце, в явном предвкушении, забилось чуть быстрее (*Немногим больше тридцати километров).

Мы с дядей прежде виделись всего пару раз (последний раз перед нашим отъездом в Великобританию – тогда он приехал, чтобы попрощаться). Я помню его густые усы и голубые глаза – такие же, как у мамы. Мама всегда говорила, что, не смотря на то, что они были рождены от разных отцов, она с Джорданом всегда были похожи между собой, что сильно проявлялось в цвете их глаз и волос, и в их идеально-ровной осанке. Но, если честно, мне так сильно врезались в память усы моего дяди, что кроме них я почти ничего больше не запомнила. Моя мать всегда поддерживала связь с Джорданом, регулярно звоня ему в последний день каждого месяца, но какой-то сестринско-братской привязанности между этими двумя не было. *Они любили друг друга также легко, как и легко жили вдали друг от друга.*

Мы еще не въехали в черту города, когда я увидела красивую деревянную табличку, расположившуюся напротив огромной секвойи. Она изображала волка с запрокинутой головой, под которым массивными, резными буквами было выдвинуто “Добро пожаловать в Грей

Плэйс”* (*Welcome to Gray Place). Добро пожаловать в город, о котором нет никакой информации в википедии – только небольшая группа в социальной сети, которая сообщала о том, что на данный момент в Грей Плэйс проживает немногим более четырех тысяч пятисот человек, из которых тысяча пятисот несовершеннолетних, в состав коих входит пятисот старшеклассников. Как по мне – это весьма сомнительная статистика, составленная каким-то подростком, но кроме нее и нескольких фотографий местных достопримечательностей, больше ничего нельзя было узнать об этом месте, не приехав в него самолично.

4. Разбросанный хутор

Ровно в семь часов вечера я оказалась на автостанции, расположенной на самом въезде в Грей Плэйс. Поставив справа от себя чемодан, я проводила взглядом уезжающий микроавтобус, после чего посмотрела на небо. Дождь в этом городе прошел совсем недавно, что было видно по срывающимся с крыши каплям, но тучи над моей головой всё еще опасно сгустились. Зайдя под крышу платформы №3, я огляделась по сторонам и с ужасом осознала, что Джордан не пришел меня встречать. Решив, что он в здании автостанции, я зашла внутрь, но кроме каскирши, смотрящей слезливую мелодраму по рабочему компьютеру, меня, дымчатого котенка и двух десятков пластмассовых стульев, внутри больше никого и ничего не было. Я замерла, так как мой инструктаж заканчивался на этой автостанции – я не знала, что дальше делать и куда идти. Еще раз, вспомнив о том, что нахожусь в чужой стране, в городе посреди тайги, я вдруг почувствовала ускорение своего пульса, после чего посмотрела в ближайшее ко мне окно как раз в момент, когда у пятой платформы остановился кадиллак ДеВиль девяностого года выпуска. С облегчением выдохнув, я отправилась к выходу, зная, что Джордан является обладателем именно такого кадиллака.

Уже выйдя на первую платформу, я резко остановилась, врезавшись взглядом в человека, вылезшего из машины моего дяди. Сначала я подумала, что ошиблась, однако вскоре узнала в подошедшем ближе мужчине Джордана. Он немного отрастил свои темно-пшеничные волосы, отчего они стали казаться еще темнее, а от его густых усов не осталось и следа, если только не считать следом недельную небритость. Джордану было всего сорок пять, но его голову уже начинала затрагивать редкая, едва уловимая седина, которая всё же не мешала ему выглядеть молодым. Ко всему прочему он обладал неплохо подтянутой фигурой, так что преждевременное старение ему точно не грозило. Однако, не смотря на хорошую форму, он выглядел слегка уставшим, но при этом его светло-голубые глаза сияли чем-то напоминающим оптимизм. Всё ещё молодой, но уже уставший – таким было моё первое впечатление об этом человеке.

– Аврора? – робко улыбнулся мужчина.

– Да, – на выдохе улыбнулась в ответ я.

– Как ты выросла, – встряхнул меня за плечи Джордан, тем самым избежав неловких объятий. – Я помню тебя еще десятилетней малышкой.

– А я помню тебя с усами.

– Усов уже лет пять как нет, – забирая мои вещи, ухмыльнулся Джордан. – Как доехала?

“Ужасно! Всё болит, хочу в душ, есть, спать и возможно даже пива, которого я от роду не пробовала!” – Вертелось у меня в голове что-то сродни ругательству, но я, с улыбкой на лице, ответила лишь отрывистое: “Отлично”.

Уже спустя пару часов, после принятия окончательного решения “взять быка за рога”, мы позвонили моему дяде в Канаду, который с радостью согласился принять меня на проживание. В декабре прошлого года, после двадцати трех лет брака, Джордан развелся со своей женой. Причина была достаточно прозаична – Грейс изменяла ему, а после того, как он застал её с поличным, она и вовсе ушла к любовнику-автослесарю, который был на два года младше Джордана и на год младше её. Мама говорила, что роман Джордана с Грейс всегда казался ей подозрительно стремительным. Дядя начал встречаться с Грейс сразу после возвращения из Оттавы, где с успехом окончил университет, и уже спустя два месяца легкой интрижки женился на своей девушке. Они стали жить вместе с отцом Джордана, в его доме, и через год у них родился Артур. Мой двоюродный брат был старше меня на пять лет и сейчас жил в Квебеке. Я

никогда прежде не виделась с ним и, судя по расстоянию между Грей Плэйс и Квебеком, скорой встречи у нас не предвещалось. После развода родителей, Артур категорически занял позицию отца, так как Грейс громогласно отказалась от своего сына, назвав его “ошибкой молодости”. Сама же экс-жена уехала со своим новоиспеченным бойфрендом в США, в городок под названием Амарилло. К облегчению для Джордана, развод не тянулся дольше одного месяца, и теперь ему не нужно было жить в одном городе с предательницей и её ухажером.

Внутри кадиллак оказался куда более уютным, чем казался снаружи – старая экокожа держалась на высоте.

Погода была отвратительной – дождь редкими каплями начал тарабанить по лобовому стеклу и над городом прозрачной пеленой повисла морось. Была всего лишь середина сентября, но в Грей Плэйс уже во всю силу начинало задуть первое дыхание осени. Мы ехали в полном молчании (Джордан смотрел на дорогу, а я рассматривала на удивление красивые частные дома), которое я нарушила сразу после того, как мы выехали за пределы города.

– Эммм... Куда мы едем? – приподняла брови я.

– Домой, – сконфузился Джордан, и у меня больше не осталось сомнений в том, что в моем присутствии он чувствует себя неловко.

Оказалось, что мой дядя живет не в городе и даже не на его окраине. Он жил за его пределами, на так называемом “разбросанном хуторе”, который представлял собой пять домов, разбросанных вдали друг от друга и разделенных кукурузными полями или лесной полосой. Дом Джордана оказался в двух километрах от выезда из Грей Плэйс и, как позже я узнала, отсюда до школы было ровно три километра, что приравнивалось к двадцати пяти минутам пешей прогулки. Я думала, что город находится вдали от цивилизации, а оказалось, что не город, а конкретно я буду находиться вдали от внешнего мира.

Двухэтажный дом, обшитый иссиня-серым, деревянным сайдингом, стоял в пятнадцати метрах от дороги и выглядел, если не готично, тогда определенно мрачно. На моё первое впечатление о доме влияла и осенняя серость, и скошенное поле слева от него, и неубранное поле поникших подсолнухов справа... В таком месте запросто можно впасть в осеннюю депрессию, а со временем и вовсе обзавестись апатией. Но если не быть пессимистом, тогда можно отметить уютную, миниатюрную веранду с лавочками... Тоже тусклых тонов...

Тяжело выдохнув, я взяла свою дорожную сумку и поплелась в дом вслед за Джорданом. Первое, что бросилось в глаза уже на входе – это запустение. Нет, и в прихожей, и в гостиной была мебель, но её было так мало, и она была настолько простой, что казалось, будто здесь живет минималист-фанатик.

Отложив ключи на деревянный комод, и словив мой оценивающий взгляд, Джордан спросил:

– Ну как?

– Мило, – поджала губы я, после чего положительно кивнула пару раз головой, для усиления своего ответа, и начала стаскивать с себя куртку.

– После развода дом остался мне, так как я получил его в наследство от отца еще до женитьбы, но Грейс забрала половину наших сбережений и вывезла большую часть мебели, так что сейчас дом больше похож на логово престарелого деда, нежели на убежище холостяка... Вот здесь прихожая, а дальше гостиная с кухней...

Джордан рассказывал мне, где что находится очень быстро, всячески стараясь избежать неловких пауз. За прихожей сразу же следовала достаточно просторная гостиная, в которой стоял небольшой старый диван, пара дряхлых кресел, телевизор из девяностых, комод

из страшных снов, журнальный стол, несколько комнатных растений, и всё это дело пытался исправить всего лишь один новый персидский ковер, лежащий в центре комнаты.

Мы уже переходили на кухню, когда я шарахнулась от увиденного – ленивой походкой из кухни выходил громадный неаполитанский мастиф дымчатого цвета. Таких больших собак я еще в жизни не видела, отчего вблизи пес казался самым настоящим монстром.

– Это Гангстер, – заулыбался Джордан, похлопав пса по голове. – Он безобидный.

– Да это целая лошадь! – сделав шаг вбок, тем самым позволяя пройти Гангстеру мимо себя, выдохнула я, стараясь мысленно не называть этого зверя чудовищем. – Достался от бывшей?

– Нет, наследство от сына, – поджал губы Джордан. – Гангстеру недавно исполнилось шесть лет, так что он уже входит в преклонный возраст.

В отличие от других детей, я никогда в жизни не хотела себе собачку, котика или другого питомца, так как с раннего детства заранее жалела еще не приобретенное существо, которому пришлось бы делить крышу с моей матерью, совершенно не умеющей регулировать силу своих объятий.

Кухня оказалась средних размеров, со столом у самого окна и новым гарнитуром, который, как пояснил Джордан, был куплен спустя месяц после того, как Грейс вывезла предыдущую кухню со всей прилагающейся к ней бытовой техникой. Как позже выяснилось, кухня, выполненная в цвете слоновой кости, была самым светлым местом во всем доме, но и она не спасала от тяжелого шлейфа серости, зависшего над этим городом.

Не доходя до кухни, справа расположилась спальня Джордана, в которой кроме скромной кровати, прикроватного комода и небольшого платяного шкафа больше ничего не было. Рядом со спальней был размещен мини-санузел с унитазом и душем. Поднявшись вверх по лестнице, расположенной при входе в гостиную, мы попали на второй этаж. Здесь было всего две комнаты, соединенные между собой санузелом, и кладовая со швабрами. Сразу напротив лестничной площадки была раскрыта дверь в комнату, когда-то служившую спальней для гостей, в которой сейчас не осталось ничего кроме массивного шкафа (всё то же дело рук Грейс), а комната, находящаяся справа, прежде принадлежала Артуру – именно в ней мне и предстояло провести весь последующий год.

Стены моей временной спальни были оклеены приятными матовыми обоями синего цвета, со стороны кажущимися бархатными. Справа от входа стоял письменный стол, занятый раритетной компьютерной техникой, в трех шагах вправо от стола расположился огромный платяной шкаф, длиной во всю стену, а чуть левее от входа стояла двуспальная деревянная кровать. Подойдя к единственному окну, я увидела огромный белый клен, растущий впритык к дому и превышающий его высоту почти в половину. Ветви дерева слегка врезались в окно, и оказалось, что с этой стороны фасада дом уже почти полностью зарос роскошным, начинающим краснеть вьюном.

– Как тебе? – всё еще скомкано спросил Джордан, явно не зная, куда деть свои руки. Он был достаточно серьезным мужчиной, но его неуверенность в себе делала из него некомпанейского человека.

– Круто, – поджав губы, ответила я, после чего попыталась улыбнуться, засунув руки в карманы своих джинс.

– Артур был рад тому, что его комната тебе понадобилась, – взмахнул рукой Джонатан. – Ремонт в ней делался семь лет назад, так что обои еще вполне сносные... Кровать старая, но матрас и постельные принадлежности новые... Я перенес все вещи Артура в шкаф в соседней комнате, так что смело можешь раскладывать свои чемоданы...

– Кстати, насчет моих вещей. Они за шкафом в соседней комнате? – предположила я, так как обойдя весь дом, так и не увидела своих коробок. Как я уже говорила – самые необходимые

вещи я, чтобы перестраховаться, взяла с собой, отправив остальное почтой за неделю до своего вылета.

– По поводу вещей... Они еще не приехали.

– Что?! – шокировано выпалила я. По заверениям почтовых работников, мои посылки должны были прийти в Грей Плэйс еще вчера.

– Думаю, это задержка на почте... Я... Я завтра съезжу к ним и узнаю, – начал с серьезным видом оправдываться Джордан, будто это он задержал пересылку.

– Эммм... Да ладно, там ничего важного, – начала запинаться я, перейдя на жестикуляцию рук. – Честно. Всё самое необходимое у меня в чемодане. Ничего страшного.

В этот момент весь мой внутренний мир внезапно остро осознал, что праздник длиною в год начался, и я едва ли покину его трезвой. Может быть, я буду так пьяна, что в итоге и покинуть-то его не смогу...

5. Ясельная группа

Не желая раскладывать чемодан полностью, я приготовила себе одежду на утро и, достав пижаму с гигиеническими принадлежностями, отправилась в душ. Дважды проверив закрытие обеих дверей – одна вела в пустынную спальню для гостей, а вторая была входом в мою спальню – я встала под теплый дождик и с облегчением смыла с себя напряжение последних дней. Только после того, как я высушила волосы, придав им объем, заранее позаботившись о своем внешнем виде на завтра, я заметила, что вода здесь отличается от воды в Истборне. От этой воды и волосы, и кожа словно становились шелковыми. Позже Джордан рассказал мне, что весь секрет в личной скважине, подсоединенной к горному источнику.

Спустившись вниз ровно к половине девятого, как мы с Джорданом и договаривались, я с опаской обошла лежащего у лестницы Гангстера, который даже глазом в мою сторону не повел. Макароны-бантики с кетчупом и пережаренные магазинные фрикадельки показались мне весьма вкусными, за что можно было поблагодарить скорее мой голод, нежели поварское мастерство моего дяди.

– Чем планируешь заняться завтра? – решил первым оборвать нарастающую тишину Джордан.

– Пойду в школу, – непонимающе посмотрела на собеседника я. – Завтра же будний день.

– Просто я думал, что ты захочешь отоспаться.

– Я полпути сюда спала и планирую поспать ночью, так что... Пойду в школу. Мне всё равно не нужно разбирать вещи, отчего делать завтра будет нечего, а так как я не люблю откладывать нерешенные вопросы в долгий ящик...

– Понимаю. Хочешь поскорее пережить ужас первого дня в новой школе.

– Типа того.

– Мы можем посмотреть на Серебристый водопад... Когда-нибудь... Это местная достопримечательность.

– Оу, – положительно закивала головой я, – неплохая идея.

Нужно отдать Джордану должное – он изо всех сил пытался избежать неловкого молчания и, в итоге, у него это удалось. Я узнала многое об Артуре, что мне очень понравилось – в конце концов, я оккупировала его комнату! Я уже знала о том, что неделю назад мой кузен женился. Избранницей оказалась девушка, на три года младше него, с которой Артур познакомился во время учебы в университете. Пара провстречалась два года, прежде чем решила официально оформить брак. У них скоро должно было закончиться свадебное путешествие на Бора-Бора, и Джордан с нетерпением ожидал момента, когда сможет заполучить новые фотографии сына.

В этом году Артур окончил университет и теперь являлся дипломированным ветеринаром. За счет родителей с обеих сторон молодоженам была подарена трехкомнатная квартира в Квебеке – теперь меня не удивляла непритязательность обстановки этого дома. Полгода назад Артур открыл собственную небольшую ветеринарную клинику на окраине города, так что уже третий месяц подряд делал скромные переводы на карточку отца, которыми Джордан, в свою очередь, принципиально решил не пользоваться. В общем, после услышанного я вообще не имела вопросов по поводу старого телевизора и нехватки нормальных люстр.

К концу ужина я затронула тему отсутствия в доме фотографий, так как считала это странным – у нас с мамой было множество совместных фотографий, расставленных по всей квартире. В честь моего семнадцатилетия она смастерила шикарный фотоколлаж из фотокарточек, на которых я красуюсь на пьедесталах, размахиваю медалями, грызу дипломы и пытаюсь утопить шуточную статуэтку от одноклассников с подписью “Наша любимая зубрила года”. Отсутствие фотографий Джордан объяснил депрессией после развода, которая не отпускала

его несколько недель к ряду – именно в этот период он и выбросил все фото с бывшей женой. Тема была неприятной, поэтому мы быстро закрыли её, перейдя к разговору о Гангстере и его зверском аппетите.

Уже пожелав Джордану спокойной ночи и поднявшись наверх, я поняла, что быстро заснуть у меня не получится. Прежде я еще никогда не жила в частном доме – вся моя жизнь была проведена в квартирах. Наверное, именно из-за “дышащей” атмосферы частного дома, сон отказывался идти мне в руки. Отчетливый звук ветра под крышей и еще более резкий стук капель, врезающихся в стекло, не шли ни в какое сравнение со стуком и скрежетом веток белого клена о многострадальное окно моей спальни. Кажется, я еще ни разу в жизни не травила два часа лишь на то, чтобы банально заснуть. И всё-таки, проснувшись в семь утра, я умудрилась выспаться на новом месте.

Полночи я снова слушала диковинную мелодию во сне и видела всё тех же персонажей, но так как я раскрыла глаза еще до того, как успела попробовать в очередной раз развернуть загадочного мистера “ИКС” к себе лицом, нарастающая мелодия слишком быстро оборвалась, отчего внутри меня осталось необоснованное ощущение разочарования, вызванное преждевременным окончанием истории.

Поднявшись с постели, я с удивлением обнаружила, что в доме очень холодно. Кажется, мой организм не был готов к столь резкой смене относительно теплого климата Истборна на прохладу Грей Плэйс, что доказывали разбегающиеся по моей коже мурашки. Умывшись, почистив зубы, переодевшись, слегка подкрасившись и расчесав свою густую шевелюру, я заострила своё внимание на том, что мои и без того темные волосы почти почернели в тусклом освещении ванной комнаты. Собрав свой портфель и перепроверив все бумаги, необходимые для перевода в новую школу, я уже хотела выходить, когда в мою дверь раздался аскетичный стук.

Не смотря на то, что мы оба встали раньше положенного времени и быстро позавтракали, нам пришлось задержаться из-за поломки карбюратора, которую Джордан, к счастью, сумел достаточно быстро устранить. Без пятнадцати девять мы остановились напротив школы, что означало, что я всё-таки припозднилась, как для первого дня на новом месте.

Только увидев кирпичное здание школы, я впервые почувствовала переживание, которое мой здравый смысл официально признавал необоснованным.

– Сама справишься? – как бы для приличия поинтересовался Джордан, так как прежде уже успел проболтаться, что опаздывает на работу.

– Да, конечно, – открывая дверь, ответила я, поправив слишком длинную шлейку своего портфеля.

– Замечательно, – с плохо скрытым облегчением выдохнул Джордан, и я уже хотела закрыть за собой дверь кадиллака, как вдруг он словно что-то вспомнил. – Оу...

– Да? – наклонилась я к полужакрытой двери.

– Удачного дня.

– Спасибо, – поджала губы я, решив не говорить вслух о том, что можно было бы обойтись и без формальностей, отчего мгновенно почувствовала себя едва ли ни снобом.

Уже идя по школьному двору, я поняла, что привлекаю к себе слишком много внимания. На меня в открытую пялились, и в какой-то момент я даже решила, будто с моим внешним видом что-то не так – например, в зубах застрял бекон или шнурки развязались – и даже начала украдкой осматривать себя, пока не услышала несколько громких перешептываний по поводу сомнений в том, что я “новенькая”. Если для этой школы приход нового ученика был столь значимым событием, тогда я боюсь предположить, что школьная жизнь здесь весьма унылая.

Зайдя в крыло администрации, на которое, когда мы подъехали к школе, указал мне Джордан, я словно очутилась в другом мире. После темно-серой улицы от светлых тонов и

люминесцентных ламп сильно резало глаза, что мешало мне абстрагироваться от происходящего. Остановившись напротив стола секретаря, я начала ожидать, когда женщина афроамериканского происхождения, которой было лет сорок, закончит свой разговор по телефону.

– Нет, Бонни, это не лучший вариант... Да... Да... Конечно бери розовое, никаких тусклых тонов – только не для этого города. Нет... Нет... Да... Забудь о Бернарде... Да ты что?! Подожди. Слушаю вас, – наконец обратилась ко мне женщина. – Вы из отдела статистики? Все необходимые документы уже подготовлены. Вы можете найти их вон в том ящике.

– Не понимаю о чем вы, – обернувшись на загадочный ящик, непонимающе ответила я.

– Оу, вы из отдела по работе с трудными подростками...

– Совершенно не понимаю о чем вы, – стоя полубоком к секретарше и всё еще разглядывая таинственный ящик с “необходимыми документами”, тяжело выдохнула я, после чего стукнула себя по бедру папкой с документами на свой перевод. – Я новая ученица.

– Новая ученица?! – искренне удивилась женщина. “Как же всё сложно!” – мысленно улыбнулась я, после чего произнесла утвердительное “да”.

– Бонни, я тебе перезвоню... – произнесла женщина, после чего стремительно положила трубку своего рабочего телефона. – Новая ученица, новая ученица, – задумчиво повторяла женщина, листая папку с надписью “прием учащихся”. – К нам уже года два не поступало новых учеников. Странно, я вас не вижу в списках. Назовите свое имя и фамилию.

– Аврора Метс.

– Метс, Метс, Метс, – продолжала повторять мою фамилию женщина, чем изрядно меня напрягала. – Впервые слышу такую фамилию. Ваши родители явно не местные.

– Эм... Мой дядя – Джордан Милтон – он...

– А-а-а, – растянулась в широкой улыбке женщина. – Джордан Милтон, как же, как же. Его знает каждый в Грей Плэйс – замечательный человек. Он спас моего Карлоса от разрыва селезенки – чудо-хирург! У твоего дяди золотые руки, которыми он перерезал едва ли не весь город. Но, погоди... Он ничего не говорил о тебе. – “Что блин?!” – Джордан не предупреждал, что к нам поступит его племянница. Он даже не предупреждал о том, что такая существует.

– Как не предупреждал? – непонимающе сдвинула брови я. Хотя, если задуматься, это было в стиле Джордана – он наверняка даже не подозревал о том, что необходимо решить проблемы с переводом – он просто закинул подростка в школу и, с облегчением выдохнув, умчался вдалеке на своем кадиллаке.

– Не переживай, – хлопнула ладонями по столу женщина, совершенно не обратив внимание на то, что я спокойнее удава. – К концу дня ты будешь официально зачислена. Мистер Уокер, посмотрите, – она вдруг перевела своё внимание с меня на мужчину в черном костюме, вышедшем из кабинета справа. – Это племянница Джордана Милтона, представляете? Она будет учиться у нас.

– Племянница Милтона? Но почему Джо не предупредил, что ты сегодня придешь?

– Вам ли не знать этого трудоголика, – скрестила руки на груди секретарша. – Наверняка замотался в своем белом халате.

Уже через пару минут я сидела в кабинете директора школы Освальда Уокера и заполняла бланк со своими метриками, и прочей чепухой.

– Нужно заполнить паспортные данные, – протягивая мне мой паспорт, заметил мистер Уокер.

– Спасибо, – приподняв исподлобья на него свой взгляд, ответила я, поправив папку на колене, слушающую мне столиком, – я уже внесла эти данные.

Удивленно вздернув брови, мистер Уокер отстранился и начал изучать моё личное дело.

– Я не знал, что у Джордана настолько одаренная племянница, – спустя минуту сосредоточенного чтения, выдал мистер Уокер, продолжая читать моё дело. – Ты изучала математический анализ с седьмого класса...

– С шестого, – искренне не понимая, что в этом такого “сверхъестественного”, снова приподняла на собеседника взгляд я, после чего в очередной раз уткнулась в заполнения бланков.

– М-м-мда... С шестого, – поправил себя мистер Уокер, снова заглянув в моё личное дело. – Сплошные высшие баллы и первые места, – пробубнил себе под нос мужчина, после чего задумчиво добавил. – Лицей для одаренных, надо же. После подобного заведения едва ли среднестатистическая школа сможет предоставить Вам должную... Обстановку. Многие предметы, которые Вы изучали, в нашей школе попросту не преподаются – они взяты из университетских программ.

Я хотела сказать, что я сама не в восторге от подобного расклада, однако я предпочла продолжать молча заполнять бланки, чтобы не показаться высокомерным нытиком. Доброжелательная секретарша всего за пять минут помогла мне набросать примерный план занятий, пообещав в будущем помочь мне составить “основательный”. Кажется, она, в компании с мистером Уокером, слишком серьезно подошла к моему переводению, чего нельзя было сказать о моем дяде. Если бы он предупредил администрацию школы заранее, я бы сейчас не сидела в кабинете директора и не чувствовала себя виноватой в том, что побеспокоила своей скромной персоной столь чутких людей.

Мистер Уокер вызвался самолично сопроводить меня в новый класс, и уже спустя пятнадцать минут я снимала с себя куртку в вестибюле соседнего здания. С утра я одела любимые темно-синие джинсы и рубашку цвета хаки, посчитав, что они предадут мне уверенности в себе, вот только я внезапно выяснила, что не нуждаюсь в этом – уверенности во мне было хоть отбавляй.

– У вас белые брюки, – внезапно заметила я.

– Что? – переспросил мистер Уокер, после чего посмотрел на свои черные брюки, испачканные чем-то отдаленно напоминающим побелку. – Вот ведь... – Он сконфузился и определенно хотел выругаться, но вовремя остановился, взглянув на заинтересовавшуюся его беспокойством работницу вестибюля. Около минуты он пытался оттереть огромное белое пятно на своем колене, однако у него почти ничего не получилось.

– Мистер Уокер, я могу сама дойти до класса географии, – попыталась улыбнуться я.

– Правда? Это было бы замечательно. Поверни налево и иди всё время прямо. Кабинет будет по левую сторону коридора.

Занятие уже двадцать минут как началось, отчего прежде я была бы не в восторге, желая попасть в класс менее заметным путем, однако чем ближе я подходила к классу, тем спокойнее я становилась. Кажется, когда я дернула ручку двери, моё твердое спокойствие внезапно переросло в холодное безразличие.

– Добрый день, – посмотрел на меня сквозь приспущенные на нос очки кудрявый мужчина лет тридцати. – Вы что-то хотели?

– Добрый день, – поздоровалась я, зайдя в переполненный класс, в котором даже дышать было сложно от переизбытка людей. – Я новая ученица, – протянув бланк для подписи, произнесла я.

– Новая ученица? – откровенно удивился преподаватель, слегка приподняв свои увесистые очки. – Странно... Меня никто не предупредил... Что ж, присаживайтесь, – ткнув на единственную свободную парту во всем классе, стоящую прямо перед его столом, выдохнул мужчина, после чего, наконец, принял документы из моих рук. Парты здесь, в отличие от моего прошлого места обучения, были предусмотрены на одного человека, что, в данном случае, меня радовало. – Очень интересно... Мисс Аврора Метс... Меня зовут мистер Тернер, я буду Вашим преподавателем по географии и... Как у Вас с географией?

– Неплохо, – дернула плечами я, стараясь стряхнуть с себя всеобщее внимание.

– Неплохо – это выше среднего или ниже среднего?

– Это средне, – решила соврать я, будто случайно забыв своё золото на региональных олимпиадах по географии.

– Хм... Но тут указано, что у вас знания выше среднего... Не скрывайте от меня своих талантов, прошу Вас...

О, нет! Всякий раз, когда какой-нибудь преподаватель просил меня не скрывать от него моих талантов, следующей его просьбой было участие в олимпиаде, чего я сейчас вообще не хотела.

– Я хочу задать Вам несколько вопросов, только пообещайте отвечать мне честно, – видимо поняв ход моих мыслей, попросил мистер Тёрнер.

– Обещаю, – положив перед собой блокнот, тихо выдохнула я.

– Что такое гелоним?

– Собственное имя любого болота, либо заболоченного места. Вид гидронима.

– Майклсон, Томпсон, – обратился преподаватель к задним партам, – теперь вы продолжите утверждать, что молодые люди вашего возраста не обладают подобной информацией? Что ж, хорошо, Аврора. А что такое пойменная многорукость?

– Обобщающее название разных типов разветвленных русел с разными типами русловых процессов в них.

– Скажите, Вы знакомы с понятиями теоретической и физической географии?

– Теоретическая география – это область высоко формализованных исследований пространственной организации географических явлений, делающая упор на выявление фундаментальных законов или закономерностей, общих как для физико-географических, так и для общественно-географических процессов. Объектом же изучения физической географии является географическая оболочка в целом, составляющие её природные комплексы и компоненты.

– Знакомы с отраслевыми науками?

– Только с биогеографией, гидрологией и поверхностно с климатологией.

– Даже я не изучал гидрологию, – позволил себе сдержанную улыбку мой собеседник. – Так и хочется узнать, зачем Вы пришли в мой класс, после чего выгнать вас вон. Ладно, продолжим урок...

Больше мистер Тёрнер меня не трогал, на протяжении оставшегося урока вдаваясь в подробности строения земной коры, что для меня было дикостью – с подобной информацией я была ознакомлена еще в классе третьем, если не во втором.

Именно здесь и сейчас у меня впервые создалось ощущение, будто я попала в ясельную группу, и это ощущение больше никогда не покидало меня под крышей этого страшного заведения.

6. Первый бой

Следующим был урок испанского. Миссис Льюис оказалась весьма настойчивой особой, но я была куда более твердой. Всё началось с достаточно невинной просьбы со стороны разукрашенной женщины:

– *Preséntese, por favor.*

(*Представьтесь, пожалуйста).

– *Mi nombre es Aurora Mets, tengo diecisiete años, me alegro de conocerte.*

(*Меня зовут Аврора Метс, мне семнадцать лет, рада знакомству).

– *Eso es todo?*

(*Это всё?)

– *No es suficiente?*

(*Разве этого недостаточно?)

– *Nos gustaría saber más sobre usted.*

(*Нам хотелось бы узнать о вас побольше)

– *Soy una persona bastante reservada, así que no quiero hablar mucho de mí mismo.*

(*Я достаточно замкнутый человек, поэтому я не хочу много рассказывать о себе).

– *Y sin embargo, insisto.*

(*И всё же я настаиваю).

– *No vale la pena, soy inflexible.*

(*Не стоит, я непреклонна).

– *No quieres arruinar la relación conmigo?*

(*Вы ведь не хотите испортить со мной отношения?)

– *Por supuesto que no. Simplemente no quiero hablar de mí mismo. Estas son dos cosas diferentes. Espero que entiendas esto.*

(*Конечно нет. Я всего лишь не хочу, рассказывать о себе. Это две разные вещи. Надеюсь, что Вы это понимаете).

Класс был в шоке от нашего затяжного диалога, я же была в шоке от жуткого произношения миссис Льюис. Чуть позже я поняла, что ученики соответствуют своему учителю и, кроме общеизвестных фраз, связать слова в предложения не могут.

– *Qué te hace pensar que puedes negarme?** – Не отступала от своих позиций явно начинающая злиться псевдо-блондинка.

(*С чего Вы взяли, что Вы можете мне отказывать?)

– *No vamos a complicar las cosas. Qué quieres que diga exactamente? Responderé a todas sus preguntas. Podemos comenzar con una historia sobre su clima favorito o su raza favorita de gatos*,* – слишком быстро протараторила я.

(*Давайте не будем усложнять. Что именно вы хотите от меня услышать? Я отвечу на все ваши вопросы. Можем начать с рассказа о любимой погоде или о любимой породе кошек).

Внезапно женщина замолчала и я поняла, что она не поняла моего ответа! Учитель испанского не понял ответа на испанском! Я даже не знала, что об этом думать, когда в наш диалог внезапно вмешалась миссис Джексон, преподавательница французского, которая всё это время, вместе с тремя десятком учеников, наблюдала за моей словесной стычкой с миссис Льюис.

– *Je viens d'étudier tes données. On dit ici que vous parlez couramment le français et l'espagnol. Vous parlez encore un peu allemand*,* – на французском начала диалог со мной миловидная женщина.

(*Я только что изучила ваши данные. Здесь сказано, что вы свободно говорите на испанском и французском языках. Еще немного владеете немецким)

– Oui, je sais bien le français.

(*Да, я неплохо знаю французский)

– Pour autant que je puisse le dire, vous ne vous entendiez pas avec Mme Lewis. Par conséquent, je vous invite à participer à mes cours. Puis-je espérer votre consentement?

(*Насколько я могу судить, вы не поладили с миссис Льюис. Поэтому я приглашаю вас посещать мои занятия. Могу ли я надеяться на ваше согласие?)

– Je serai heureux de coopérer avec vous*, – с кривой улыбкой дала свой ответ я.

(*С радостью буду с вами сотрудничать).

Так я вычеркнула свой любимый испанский из своих занятий раз и навсегда. Это было ужасно – я начинала терять бойцов в этой жестокой войне с некомпетентным преподавательским составом.

– Это было невероятно! – прозвучал голос маленькой девочки где-то у меня под правым ухом. Обернувшись, я увидела миниатюрную девушку в очках и кепке с маленьким козырьком, бегущую сбоку от меня – она явно не успевала за моим размашистым шагом.

– Что? – непонимающе спросила я, решив не останавливаться, всем своим существом чувствуя, что как только я остановлюсь – остановится и весь коридор любопытных зевак, пристально наблюдающих за мной изо всех углов.

– Я имею в виду твой баттл с испанкой. Кстати, меня зовут Лесли, и я ненавижу испанский.

– Тогда почему ты на него ходишь?

– Места на французский забиты до следующего семестра, – с разочарованием выдохнула девушка, и я сразу напряглась, задумавшись о том, получится ли у меня выбить место на французский или придется и от него отказаться. Деграция – я её чувствовала затылком. Хотя нет, это была вовсе не она. Обернувшись, я встретила взглядом с высокой шатенкой, концы волос которой были выбелены в блонд. Её сопровождала свита из двух непримечательных особ, но я совершенно не обратила на них никакого внимания, так как они представляли собой, лишь тень своей подруги.

– Что-то интересует? – вопросительно приподняла бровь я.

– Интересует ли меня? Нет. Но должно интересовать тебя. Мой парень пялился на тебя весь испанский, так что держись от него подальше... – нездорово зашевелила шеей девушка.

– Шея, – сдвинула брови я. – У тебя с ней всё в порядке? Просто это, – взмахнула ладонью я, – выглядит действительно ужасно...

– Ты всё поняла по поводу моего парня?

– Лесли, – нарочно громким шепотом обратилась я к своей новой знакомой, – кто несчастная половина этой странной девочки?

– Эм... Крис, у тебя ведь нет парня, – захлопала ресницами Лесли, явно не пребывая в восторге от того, что я втянула её в разборку.

– Я говорю о Кае Грине.

– Но Кай Грин с тобой не встречается, – оттянула выскочку за руку одна из её подруг.

Театр маразма... Еще никогда не чувствовала себя окруженной толпой идиотов, отчего меня сейчас немного тошнило. Хотя, наверное, это просто голод. Не желая опускаться до уровня стоящей передо мной “королевы”, я решила забыть о новооткрытом мной виде кретинизма. Ничего не ответив, я развернулась и отправилась в сторону столовой. Только спустя несколько секунд я поняла, что Лесли продолжает сопровождать меня.

– Не хочешь об этом поговорить? – наконец спросила моя новая знакомая.

– Я не хочу об этом даже думать.

– Отлично, я покажу тебе столовую, – довольно и одновременно робко улыбнулась Лесли, словно мне и вправду очень нужна была помощь в этом деле. Во всяком случае, эта странная,

кучерявая девчонка была весьма неплохим человеком, насколько я могла судить о ней с первого взгляда, и потом, я была не против новых друзей. Я вообще никогда не была против друзей...

По крайней мере, кормили в этом страшном заведении весьма неплохо. Взяв стакан компота и плов, я, в компании с Лесли, заняла один из центральных круглых столиков.

– Я еще никогда не сидела в центре, – сконфузилась девушка, сев напротив меня.

– Почему? – непонимающе поинтересовалась я.

– Этот стол очень большой и к нам может кто-нибудь подсесть...

– Что в этом такого? – приподняла бровь я.

– Вообще-то я, как бы... Эм... Тихоня, у которой всего пара знакомых и ни одного друга... В общем, я решила к тебе подойти лишь потому, что ты новенькая и не знаешь меня.

– Аврора Метс, – протянула вперед свою руку я.

– Эм?... – непонимающе пожала мою руку Лесли. В отличие от моего решительно-силового рукопожатия, она обладала весьма слабой силой в руках.

– Я еще не представлялась. Во всяком случае, лично тебе.

– Очень приятно, – заулыбалась достаточно милой улыбкой Лесли.

– Тут знакомятся? – послышался голос справа от меня.

– Гарри Гилберт, – протянул мне руку кареглазый блондин и, как только я пожала её, он сразу же опустил свой поднос слева от меня.

– Аврора Метс.

– Кевин Морган, – потянул ко мне руку более худощавый блондин с курносый носом. – Здесь свободно?

– Не совсем, – послышался голос подошедшей к нам девушки и уже спустя минуту за нашим столиком, рассчитанном на шесть персон, уместилось десять человек. Лесли явно не ожидала подобного расклада, что заставляло меня искренне веселиться в процессе наблюдения за тем, как она краснеет от того, что впритык к ней с двух сторон сидят весьма не уродливые парни.

Обо мне хотели узнать всё, начиная с того, откуда я свалилась, и заканчивая размером моей ступни. Я много говорила, шутила и смеялась, но всё же главной моей целью было слушать – я изучала своих новых знакомых. В итоге, больше всего мне запомнились скромный шутник Гарри Гилберт, весельчак с недовольным видом Кевин Морган, робкая Лесли и Джина Девис, отличающаяся бойким характером. Еще две девчонки, Барбара и Шерил, явно были не в восторге от моей популярности, но при этом хотели со мной сблизиться не меньше остальных, определенно для того, чтобы не лишиться себя возможности искупаться в лучах моей славы. Такой тип девушек я называю двуличными подругами, которые даже между собой ладят лишь потому, что их больше некому выслушать. С подобными людьми я никогда не сходилась, однако, по велению судьбы, у меня был назначен урок литературы как раз именно с этими двумя “псевдо подругами”. После моего пятиминутного цитирования Шекспира, преподаватель отказался обращать внимание на то, что я не записываю выдаваемую им информацию о великом классике, тем самым показывая, что наше недопонимание исчерпано.

Химия стала для меня одним из самых больших разочарований. Меня вызвали к доске, и я с надеждой ждала чего-то сверхсложного, когда преподаватель вдруг сказал:

– Определите массовую долю кристаллизационной воды в дигидрате хлорида бария $\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$.

– Молярная масса $\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$ составляет: $M(\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}) = 137 + 2 \cdot 35,5 + 2 \cdot 18 = 244$ г/моль, – начала писать на доске и комментировать я. – Из формулы $\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$ следует, что 1 моль дигидрата хлорида бария содержит 2 моль H_2O . Отсюда можно определить массу воды, содержащейся в $\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$: $m(\text{H}_2\text{O}) = 2 \cdot 18 = 36$ г. Находим массовую

долю кристаллизационной воды в дигидрате хлорида бария $\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$. $\omega(\text{H}_2\text{O}) = m(\text{H}_2\text{O})/m(\text{BaCl}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}) = 36/244 = 0,1475 = 14,75\%$.

Я думала, что это только разминка, как вдруг это оказалось концом. Меня вернули за парту, предварительно похвалив за “сообразительность”, и больше не трогали. В том же духе прошла и история (после того, как я назвала имя Уильяма Мортонa, как первооткрывателя наркоза, ко мне больше вопросов не возникало), и математика (я за несколько секунд высчитала корень из 834752, после чего учитель начал угнетать подобными задачами других учеников). Создавалось впечатление, будто весь преподавательский состав попросту боялся выглядеть глупо на моем фоне, как это произошло с “испанкой”, которая не смогла понять моего ответа, произнесенного на языке, который она преподавала. К концу дня я была настолько разочарованной, что ощущала себя, если не разбитой, тогда точно треснувшей. Еще никогда в жизни я не получала столько разочарования от похода в школу. За исключением того раза, когда конкурс по лучшей химической реакции сорвался из-за болезни организатора. Я не была зубрилой – мне всегда было достаточно трижды прочесть стихотворение, чтобы выучить его наизусть, или один раз посмотреть на формулу, чтобы запомнить её навсегда. Но мой мозг постоянно требовал новой информации, а здесь я могла получить лишь детский уровень понимания строения земли и недоформулу соединения кислорода с фтором. Разочарование – разочарование – разочарование... Мне так и хотелось разорвать учебник по химии, в котором автор общался со мной, как с пятилетним ребенком. Где формулы и их пояснения?! Где примеры сложных соединений?! Где хотя бы пособие по супрамолекулярной химии?! Остановившись напротив крыла администрации, я попыталась успокоиться, чему способствовал стук мелких капель дождя, врезающихся в мой капюшон. В конце концов, чего я ожидала? Я ведь знала, что всё будет примерно так... Только всё оказалось еще хуже. И всё же...

Составив с уже знакомой секретаршей идеальное для меня расписание занятий (выбить место на французском было не сложно – миссис Джексон уже успела замолвить обо мне словечко), я узнала, что без проблем могу его подкорректировать в ближайшем будущем, отчего мне стало немногим легче.

Уже выйдя из школы и не обнаружив кадиллака Джордана, я набрала его номер, но на звонок неожиданно ответила какая-то старушка. Она голосом дворецкого сообщила мне, что мой дядя сейчас находится в операционной – долатывает любителя экстремальной езды – и он просил меня немного подождать своего приезда.

В итоге я прождала полтора часа, прежде чем Джордан забрал меня из опустевшей школы.

7. Удовольствие в другом

– Как твой первый день в школе? Много задали домашнего задания? – накладывая пасту в свою тарелку, поинтересовался Джордан.

– Этот день меня прикончил, – тяжело выдохнула я.

– Я знаю, – прищурился хирург. – Я знал об этом еще вчера.

– Откуда?

– Я окончил эту школу, так что я примерно представляю, с чем придется столкнуться в этих дебрях одаренному подростку. Послушай, с твоим мозгом в этом месте невозможно будет получить кайф от процесса обучения, но ты должна найти удовольствие в другом, если не хочешь к окончанию года здесь зачахнуть. Ведь это только начало...

Найти удовольствие в другом. Что ж, в этом был смысл.

Поднявшись в свою комнату, я разобрала чемодан и нашла в шкафу старые черные спортивные штаны из хлопка, темно-серую футболку и черную толстовку. Вещи принадлежали Артуру, но Джордан разрешил мне их носить – по-видимому, он чувствовал необоснованную вину перед тем, что так и не заехал в почтовое отделение, чтобы уточнить судьбу моих посылок. Вещи Артура были для меня откровенно не по размеру и сидели на мне словно мешок, вот только другой домашней одежды у меня с собой не было. Как и выбора.

Замотав мокрые волосы в пучок, я взяла в руки свой ноутбук, боясь даже прикоснуться к раритетному компьютеру из прошлого, стоящему на письменном столе, после чего удобно уселась на кровати. Приняв дружбу в социальной сети от своих новых знакомых по школе, я проверила почту. Из-за большой разницы во времени у нас с мамой почти не было возможности пообщаться в видео-чате, так что мы договорились об электронных письмах.

Привет, дорогая.

У меня здесь всё просто замечательно! Кажется, что солнце светит даже ночью, хотя это полный абсурд, конечно. После холодной Британии Индия кажется чем-то сказочным.

Наша группа состоит из десяти человек и называется группой “Перспективных художников”. Представляешь?! Мне сорок семь, а я всё еще всего лишь перспективная. Это даже смешно. В целом группа отличная – семь женщин и три мужчины – так что мы быстро нашли общий язык. В группе я вторая по старшинству – старшие только пятидесятипятилетний мужчина, два года назад бросивший метеорологию ради исполнения детской мечты стать профессиональным художником – восхищаюсь подобными людьми!

Нас поселили в замечательном отеле (фото прикреплю ниже). Кормят хорошо, но слишком много острого и специй... Острых специй.

Самое главное – я уже посетила национальную галерею современного искусства и видела Кутб-Минар (правда пока что только издалека).*

Как у тебя дела? Как ты добралась, и как прошел твой первый день в школе?

*(*Кутб-Минар – самый высокий в мире кирпичный минарет).*

Посмотрев фотографии, прикрепленные к письму, я написала весьма позитивный ответ, после чего трижды перепроверила, не переиграла ли я с жизнеутверждающими эмоциями и, наконец, отправила своё сообщение. Закрыв ноутбук, я легла на кровать и не заметила, как отключилась прямо в одежде.

Проснувшись от стука в дверь, я запаниковала, решив, будто проспала слишком долго, но часы показывали только шесть часов утра.

– Что-то случилось? – открыв дверь в свою спальню, обеспокоенно поинтересовалась у Джордана я.

– Меня срочно вызывают на операцию, поэтому в школу тебя отвезет Констанс – моя хорошая знакомая. Не возражаешь?

– Нет, конечно, – коротко зевнула я.

– Прости за неудобства.

– Всё нормально, – только и успела ответить я, наблюдая за тем, как Джордан бегом спускается вниз по лестнице, хватая свой плащ и захлопывает за собой входную дверь. Я не была уверена в том, что услышала щелчок замка, поэтому хотела перепроверить, закрыл ли он дом, когда к подножию лестницы подошел Гангстер, чем отбил у меня всяческое желание вообще выходить из своей комнаты. Да и кто мог зайти в дом на пустыре, в котором проживает такое существо?

Закрывшись в спальне и потянувшись, я подошла к окну и посмотрела вдаль. Увидев крышу огромного дома за лесом, находящегося примерно в пятистах метрах от нас, левее от небольшой дороги, разделяющей убранное и подсолнечное поля, я задумалась о том, какой отшельник мог догадаться установить своё жилище в глубине леса, после чего перевела свои мысли на погоду. Беспросветная серость, сырость и туманная дымка – никакого намека хотя бы на маленький, золотистый лучик счастья. Но я решила не жаловаться на погоду, так как прежде Британия меня тоже не сильно-то баловала солнцем. Я вообще решила сегодня ни на что не жаловаться и ни в чем не разочаровываться. *Глупо тратить жизнь на разочарование.*

Когда Констанс подъехала к нашему дому на своем стареньком шевроле, я уже успела позавтракать, покормить Гангстера и прийти в полную боевую готовность. Взяв с собой портфель, и еще раз перепроверив спортивную форму, я вышла из дома, захлопнув дверь прямо перед носом полусонного пса. Интересно, Джонатан вообще его прогуливает?

– Приветствую тебя, чувиха, – протянув мне кулак, ухмыльнулась знакомая Джордана. Констанс была латиноамериканкой, отдаленно напоминающей актрису из “Форсажа”, и ей было примерно около тридцати пяти лет. Она была из того типа женщин, которые могли за себя постоять и у которых зачастую мужественности было куда больше, чем у многих мужчин. Её черные волосы, длинной чуть ниже плеч, были собраны в тугий низкий хвост, а смуглая кожа блестела даже при утренней серости. Констанс была достаточно подкаченной, и я почти была уверена в том, что она занималась каким-то видом боевых искусств.

– Привет, – улыбнувшись, стукнула её кулак своим я.

– Джо, не затыкаясь, говорил о тебе всю прошлую неделю, – заведя машину, начала разговор женщина. Я удивилась её словам, вспомнив о том, что Джордан забыл упомянуть о моем существовании школьному руководству. – Он всё трындел и трындел о том, что к нему едет племянница и что он типа сильно переживает о том, что она вся такая одаренная забредет в эту глушь и начнет депрессивничать, как всякий сопливый подросток в семнадцатилетнем возрасте... Ну, ты понимаешь, о чем я, – выводя в воздухе пальцами, не отрывалась от руля Констанс. – Так как, уже началось?

– Что?

– Критические дни – длиною в год.

– Стараюсь оттянуть этот момент.

– Детка, это Грей Плэйс – ты либо охрененно его полюбишь, как я, либо какие бы таблетки от менструации ты не принимала – рано или поздно твой организм начнет пускать кровь. Поверь мне, как коренной жительнице этого захолустья – я дело говорю.

– Значит, мне необходимо полюбить это место.

– Просто позарез. Без вариантов. Приходи с Джо в мой кафе-бар, который всё же больше бар, нежели кафе. Я накормлю тебя отменной олениной и напою лучшим пивом.

– Мне еще только семнадцать.

– Тогда приходи без Джо, и я налью тебе чего-нибудь покрепче, – игриво ударила меня кулаком в плечо горячая женщина.

– Ты нечто, – засмеялась я.

– *Мы женщины, детка. Женщины все нечто. Некоторые – нечто необыкновенное, некоторые – нечто длинноногое, некоторые – нечто страшное, а некоторые – нечто страшно длинноногое. Я – нечто мужеподобное, а ты – нечто мозговитое. И это куда лучше, чем комплект из двух сисек на ходулях. Мы тётки, детка. Мы априори сильные.*

– Было приятно познакомиться, – уже вылезая из машины, улыбалась я.

– Ты там это... Не дерзи преподам, не мути с ботанами и не шманай хулиганов.

– Можно было и без этого наставления, – засмеялась я.

– Я именно такими словами провожу инструктаж своему десятилетнему ковбою.

– Предположу, что ему повезло с матерью.

– Да я ваще золотце, – жуя жвачку, широко заулыбалась женщина.

Мне стало легче. Словно отпустило. На сей раз, я сидела исключительно на последних партах и рисовала в своем блокноте сов, которыми буквально кишел этот город – за утро я увидела сразу трех их представителей, по очереди прилетающих на клен возле моего окна. Рисование – единственное, что позволяло мне полностью отвлечься от жестокой реальности, и единственное, что получалось у меня лучше, чем игнорирование истории о том, как человечество последовательно пришло к логическому выводу о том, что Земля – твою ж мать! – круглая.

После математики мы с Лесли встретились в столовой. Девушка была в середине очереди, а я в её конце, так что на сей раз мне пришлось принять её желание сесть в самом темном уголке столовой. Я отправилась за стол к Лесли, держа перед собой поднос со стаканом молока и рисовой кашей, и вскоре вокруг нас снова образовалась толпа вчерашних знакомых, которые привели с собой еще пару новичков. В итоге нам всё же пришлось пересесть за более просторный стол, отчего Лесли вся сжалась в комок смущения. Мне даже стало жаль её.

В итоге наша компания стала одной из немногих, которая задержалась в столовой до самого звонка. Как только режущий душу звон раздался, все буквально сорвались со своих мест и побежали к выходу. Взяв свой поднос с недопитым молоком, я резко развернулась и сиюсекундно врезалась в проходящего мимо парня. Молоко удачно разлилось по подносу, ни каплей не попав ни меня, ни пострадавшего от моей невнимательности юношу. Мы одновременно произнесли “прости”, только я сделала это сконфуженно, в то время как парень произнес это уверенно. Подняв глаза, я встретилась взглядом с темноволосым незнакомцем, обладающим весьма неплохими карими глазами. Он был всего на пару сантиметров выше меня, и его внушительная мышечная масса заставляла меня думать, что он двадцатилетний студент, но никак не ученик старшей школы. Зависнув на мгновение над мыслью о том, кто же он такой, я вернулась к реальности лишь после того, как парень попытался забрать у меня поднос с разлившимся молоком.

– Нет... – оттянула поднос обратно к себе я. – Я справлюсь. Мне пора, – посмотрев на часы, висящие над выходом из столовой, заторопилась я.

В течение двух последующих уроков я не раз возвращалась к странному столкновению, никак не в силах понять, почему оно показалось мне странным и почему этот парень кажется мне очень... Симпатичным?

– Мне бы твою задницу, – завистливо произнесла Барбара, наблюдая за тем, как я переодеваюсь в спортивную форму. – Она у тебя просто орех!

– У тебя идеальные формы, – начала поддакивать своей лучшей подруге Шерил. – Ты занималась в тренажерном зале?

– Да, – решила коротко соврать я, чтобы не давать ход обсуждению моего тела.

На физкультуре я снова встретилась с парнем из столовой и, прислушавшись к его общению с учителем, убедилась в том, что он ученик этой школы. Все девушки были одеты в спортивную форму тусклых тонов, что, из-за обтягивающих штанов и майки с декольте, сильно выделяло меня на общем фоне. На меня пялились все – девушки прожигали завистью, парни пускали слюни, а преподаватель старался смотреть исключительно мне в глаза. *Старшая школа – гормоны здесь играли у каждого первого.* Я это поняла одновременно с тем, что мне срочно необходимо купить себе новую спортивную форму.

По результатам голосования большинства, было принято решение играть в волейбол – мальчики против девочек.

– Снова смотреть за тем, как парни вас рвут, – закатил глаза физрук. – Только не убейте их, – обратился в толпу парней учитель, после чего встал на краю игрового поля.

Первые десять минут я была на замене. Девушки и вправду играли из рук вон плохо. Только за десять минут они умудрились заработать двенадцать голов. Столь провальной игры я еще никогда не видела. На нее было так больно смотреть, что я скрестила руки и опустила глаза, чтобы только не видеть насилия над мячом. Наконец, разочаровавшись в своем кошунственном пасе, Барбара решила сесть на скамью запасных. Она шла к девушке, стоящей справа от меня, когда я махнула рукой, тем самым подзвав её к себе. В итоге приняв от нее эстафету, я встала под сеткой.

Игра только продолжилась, как я уже успела отбить подачу, забив отличный гол соперникам, которые сначала даже не поняли, что именно треснулось рядом с их падающим – мой мяч пролетел слишком быстро. Вскоре выяснилось, что не я одна в этом зале была сильна на руку. Уже знакомый мне парень из столовой давал мне отличный отпор и, в итоге, вся игра свелась к соревнованию между нами двумя. Подобного удовольствия от игры я, пожалуй, еще никогда не получала. Парень действительно был сильным противником, и у меня было бы больше шансов его обыграть, если бы не огромный разрыв в двенадцать мячей. В итоге мы сыграли со счетом 25:18, и, к концу игры, я едва не отбила себе руку. Физрук был в восторге от увиденного, безостановочно посвистывая в свой красный свисток, но я со своим соперником были довольны куда больше преподавателя и к концу игры уже вовсю улыбались друг другу.

После проигрыша женского коллектива и смены команд на поле, мой соперник подошел ко мне с ослепительной улыбкой до ушей, на которую я и старалась смотреть, не отвлекаясь на его бицепсы.

– Замечательно играешь, – протянул мне руку, парень. – Я уже видел тебя на географии и испанском. Меня зовут Кай Грин.

– Кай Грин? Наслышана о тебе, – криво улыбнулась я, обернувшись на девушку, с выбеленными концами волос. – Вчера твоя девушка подошла ко мне после испанского и потребовала от меня чего-то вроде хладнокровного отношения к её парню.

– У меня нет девушки, – неловко улыбнулся Грин.

– Как же? Вот это девушка, – кивнула головой в сторону девицы я, заставив её отстраниться к своей свите и сделать вид, будто она нас не слышит.

– Крис? Не знал, – еще сильнее заулыбался парень. – Что ты делаешь после уроков?

“Что?! Вот так вот быстро?!”

– Эм... Я... Я помогаю дяде. Нужно навести порядок и выгулять собаку... А ты?

– Думал пригласить тебя куда-нибудь, – невозмутимо раскрыл свои карты улыбчивый парень, и я сразу поняла, что имею дело с наивностью в сексуальной оболочке. – Значит в следующий раз?

– Да, – заулыбалась я, проводив нового знакомого взглядом. И почему я отказала такому красавцу?! Не знаю... Я сразу же вспомнила о Генри, но не из-за вымученного мной обещания *постараться* сохранить наши “отношения”, а из-за схожести моих ощущений к новому

знакомому. Один парень был красивее другого, но, кажется, к обоим я испытывала схожие по своему спектру эмоции – симпатию. Только к Генри эта симпатия была какой-то тусклой, на фоне той яркой, искрящейся, горячей симпатии, которую я только что испытала к Каю. Странное ощущение застряло комком в моем горле. Уже спустя пять минут после окончания физкультуры, я поняла, что хочу снова пообщаться с Каем Грином.

8. Средство передвижения

– Подвезти тебя до дома? – поинтересовался из ниоткуда возникший передо мной Кай, когда я закрывала свой локер-шкаф.

– Эмм... Меня дядя забирает, – поджала губы я, стараясь не обращать внимания на заинтересованные взгляды друзей парня, стоящих в паре шагов за его спиной.

– Окей, – лучезарно улыбнулся на мой отказ Кай, явно не воспринимая его отрицательно. – Если что, обращайся.

– Хорошо, – кивнула головой я, после чего Кай развернулся и отправился к выходу в компании трех парней.

Уже выйдя на парковку и в очередной раз не обнаружив кадиллак Джордана, я набрала его номер, параллельно натягивая на себя капюшон, чтобы морось не промочила мои распущенные волосы. На мой звонок ответил уже знакомый голос старушки, которая монотонно сообщила мне о том, что на сей раз Джордан работает с острым аппендицитом храброго мальчишки, спасшего на прошлой неделе волнистого попугая... Я услышала еще много лишней информации, провожая взглядом отъезжающий со школьной парковки KIA шоколадного цвета, принадлежащий Каю. Джордан едва ли мог подвезти меня до школы по утрам, уже на вторые сутки обратившись за помощью к Констансу, и теперь стало совершенно очевидно, что после уроков мой дядя вовсе не может меня забирать. Сначала я разозлилась, словно импульсивный, эмоционально неустойчивый подросток, но после попыталась понять и принять тот факт, что мой дядя – суперхирург с золотыми руками, спасающими человеческие жизни.

Обо всем этом я думала, идя по тусклым улицам, постепенно погружающимся в осенний мрак. Выйдя же за пределы частного сектора города, я вообще не могла думать ни о чем, кроме как о том, что мне срочно нужно что-то делать со своей жизнью, чтобы не утонуть в сгущающейся вокруг меня серости.

Молодые, но уже весьма внушительные секвойи, и старые, огромные пихты, раскидистыми ветвями нависали прямо над дорогой, словно пытались загородить своими величественными руками свинцовое небо. Тротуар был устлан опавшими иголками, отчего у меня создавалось впечатление, будто я иду по диковинному ковру.

На три километра я потратила примерно двадцать пять минут, и они совсем не показались бы мне мучительными, если бы не резко опустившаяся температура воздуха. Закрыв за собой входную дверь, я словила себя на дрожи и начинающемся стуке зубов. В доме было едва ли теплее чем на улице, поэтому я напрямик направилась в свою комнату, с целью переодеться во что-нибудь шерстяное. Уже напялив на себя широкие штаны и футболку Артура, я надела сверху теплую толстовку и вязаные носки, когда мой взгляд остановился на миниатюрном коробке. Открыв его, я вытащила небольшой серебряный кулон на цепочке, который мама подарила мне за сутки перед тем, как мы разлетелись в разные стороны света. И хотя под слоями одежды от него не было никакой декоративной пользы, я с облегчением застегнула цепочку на своей шее и сразу же решила проверить электронную почту.

Мама писала как по часам, отправляя мне письмо в одно и то же время. Прочитав о том, что у нее вообще всё замечательно – светит яркое солнце, она веселится с коллегами, нюхает экзотические цветы и каждый вечер гуляет под звездным небом, я сочинила историю на тему “Как чудесно я провожу время в Грей Плэйс”, после чего задумалась о том, поверит ли она мне, или поймет, что я пытаюсь иронизировать. Моя мать прекрасно понимала, куда я попала, так как сама родилась и выросла в этом месте. Она любила этот город, но лишь в прошедшем времени – жить она в нем не хотела, желая только вспоминать о нем.

Спустившись вниз, я покормила Гангстера, в очередной раз удивившись размеру его аппетита. В итоге, я успела приготовить рисовую запеканку и наестся до отвала, но Джордан

всё еще не возвращался. Чуть позже я узнала, что сегодня он задержится на работе допоздна, и это стало толчком моего решения занять себя чем-нибудь прежде, чем что-нибудь займёт меня. Просидев около часа в социальной сети в переписках с друзьями (с Генри в том числе – он поделился со мной радостью своей победы в номинации “Мистер Эрудированность Брюнеля”), я убедилась в том, что у всех всё замечательно, после чего удовлетворенно хлопнула ноутбук. Направившись к шкафу, я запуталась в плеле и споткнулась, но устояв на ногах, бодро дошла до точки своего назначения. Достав альбом на А1 и всё необходимое для работы с ним, я посмотрела на старый письменный стол, на котором красовалась груда раритетной компьютерной техники, и хлопнула себя набором кистей по ладони. Уже через десять минут, перенеся системный блок, монитор, принтер и колонки в соседнюю комнату, я столкнулась с еще большей проблемой – стол оказался невероятно тяжелым. Когда спустя пять минут я дотащила его только до середины комнаты, в открытых дверях показалась заинтересованная морда Гангстера, явно не понимающего моего упорства. Внезапно пес решил мне помочь и, зайдя в спальню, уперся лбом в край стола. Естественно это ничем мне не помогло, но с этого момента между нами завязалось своеобразное взаимопонимание.

Наконец, установив стол вплотную к окну, я решила не прогонять Гангстера, легшего на круглый, вязаный коврик, и, почувствовав сквозняк, закрыла дверь в спальню. К этому времени уже успело достаточно сильно стемнеть, поэтому, прежде чем вернуться к столу, мне пришлось включить свет. Разложив свои краски в тубиках, я посмотрела в окно и сфокусировалась на том, что хочу изобразить – роскошная крыша предположительно деревянного дома огромных размеров, расположенная посреди хвойного леса, в котором немногочисленные лиственные деревья уже покрылись золотым цветом. Надев квадратные очки, которые были моими неотъемлемыми спутниками в процессе “создания шедевра” посредством кисти, я начала свою работу. Не вырывая листа, я облокотила альбом об оконную раму и полубоком села на стол. Чтобы выровнять ракурс, чуть позже мне пришлось подставить под альбом старые книги Артура, которые я нашла в шкафу соседней комнаты, когда переносила туда компьютер.

Пейзаж был великолепен: скошенное и, соседствующее с ним, необработанное подсолнечное поля врезались в густой хвойный лес, внутри которого, по-видимому, на небольшой поляне, красовался “отшельник” (так я решила называть дом, который стал героем моей еще не написанной картины). Однако с быстрым наступлением сумерек мне вскоре пришлось сложить свои кисти и, одновременно с последним закрученным мной тубиком красок, раздался стук во входную дверь. Гангстер сиюсекундно подскочил со своего места и стойко ожидал, пока я открою ему дверь, после чего медленно спустился вниз по лестнице, аккуратно перебирая своими длинными лапами.

– Пришла пора раскрыть карты, – доедая очередную порцию разогретой мной запеканки, начал Джордан. – Я и до развода с Грейс зачастую задерживался на работе, но после стал абсолютным трудоголиком. Так получилось, что моё присутствие в больнице может спасти человеческую жизнь, поэтому, после потрясения связанного с личной жизнью, я с головой ушел в работу. У меня даже появилась оборудованная для сна небольшая комната, пристроенная к моему кабинету, так что последние полгода я почти не появлялся дома. За Гангстером присматривали Констанс с Тони или Освальд, поэтому здесь у меня проблем не было. Если честно, до твоего приезда я ночевал дома от силы два-три раза в неделю. Тот факт, что я не рассказал об этом тебе с Лисой, меня не красит. Из-за этого я подставил тебя вчера и сегодня, но дальше лучше не станет. Я едва ли смогу подвозить тебя до школы, если в этот момент буду в операционной, и тем более забирать тебя после занятий...

– Хммм... – только и смогла выдохнуть я, нахмутив лоб, после чего засунула противень в посудомоечную машину. Мне не нравилась даже сама идея о том, что в школу и обратно мне придется добираться на своих двоих, и не потому, что я не любила пешие прогулки – их обожала – просто здешняя погода еще не успела расположить меня к себе.

– Но, кажется, я кое-что придумал, – вдруг торжественно улыбнулся Джордан, чем привлек моё внимание. Уже спустя пару минут я стояла в прихожей и надевала на себя резиновые сапоги, длинной до середины икры, и старую кожаную куртку коричневого цвета, которая была минимум на три размера больше, чем мне было нужно.

Когда Джордан включил тусклый свет в старом сарае, который служил складом для всевозможных инструментов, я не сразу заметила коричневый мопед, накрытый прозрачной пленкой.

– Этому красавцу всего семь лет, – улыбнулся Джордан, – мы с Грейс подарили его Артуру на пятнадцатилетие, чтобы поддержать его в желании получить водительское удостоверение. У тебя ведь оно есть?

У меня были права и Британские, и Канадские. Я получила их год назад, скорее из принципа, нежели из надобности – транспортного средства у меня никогда не было, да и в ближайшем будущем не предвещалось, однако я зачастую садилась за руль транспортных средств своих друзей.

Артур не забрал мопед в Квебек из-за проблем с его мотором, да и вскоре после двадцатилетия он купил себе скромную машину, так что в подобной развалюхе точно не нуждался.

В компании с Гангстером, я принесла из кадиллака Джордана детали, которые он купил сегодня после работы, после чего мы вместе провозились с этой клячей до часа ночи. Однако это того стоило – мопед завелся. Первым опробовал его готовность Джордан, чтобы проверить тягу и работу тормозов. Только после этого он предложил мне сесть за руль. Не долго объясняя мне азы вождения, он отошел от меня и я, надев старый мотошлем, тронулась с места. Я без проблем доехала до черты города и, переполненная чувством восторга, развернулась обратно. Мопед не набирал скорости больше пятидесяти километров в час, но для меня этого стало достаточно, чтобы я неожиданно почувствовала легкий привкус свободы. Ехать по ночной дороге через вековой лес было откровенно жутковато, отчего мне становилось еще веселее. Желтый фонарь моего мопеда словно разрезал ночную тьму на кусочки, позволяя мне свободно продвигаться вперед. Врезающиеся в него ночные бабочки и редкие мошки, делали мою поездку еще более завораживающей и, когда я остановилась напротив Джордана, я уже вовсю улыбалась до ушей.

9. Приглашение

Я была не единственной, приехавшей в школу на мопеде, но единственной, у кого шлем был старше, чем его носитель.

– Круто выглядишь, – улыбнулся Кай, отстранившись от своей компании и дождавшись, пока я припаркуюсь.

– Не смейся, – выдавила я, поправляя пострадавшие от шлема волосы. Вчера вечером, когда я впервые “оседлала” своего “железного коня”, было не так прохладно как сегодня, поэтому, пока я добралась до школы, я буквально продрогла до костей и сейчас едва ли сдерживалась, чтобы не заклацать зубами.

– Нет, я серьезно... У нас совместная география, предлагаю пойти вместе.

Естественно я согласилась и естественно меня испепелила взглядом вся женская часть класса. Особенно острой ненависть юных дев была в момент, когда мистер Тернер обратился к задним партам, которые занимали я с Каем, с просьбой прекратить болтать на уроке. В этот момент мы как раз смеялись со сказки преподавателя о классификации облаков.

Позже мы с Каем пересеклись в столовой и, на сей раз, к нам с Лесли не подсел никто кроме Грина – словно он был ярким баннером, запрещающим общение со мной. К тому моменту я уже успела послушаться от Лесли об авторитете этого парня и о том, что дружба с ним считается в школьном социуме “высшим рангом” для парней и “страстной мечтой” для девушек. Странно – прежде я бы посмеялась с подобного возвышения одной персоны, но сейчас я почему-то понимала, о чем именно говорила мне Лесли.

– Впервые слышу об Истборне, – улыбнулся Кай, взяв в руки сэндвич.

– *Это замечательный город, – заулыбалась в ответ я, с теплотой вспоминая о месте жительства своего счастья.*

– Ты в нем родилась?

– Нет, я родилась в Брамптоне. А ты всегда здесь жил?

– Тоже нет. Я со своей семьей переехал год назад... Лесли, что по поводу тебя? – неожиданно перевел внимание от себя Кай, обратившись к до сих пор ошарашенной Лесли, которая никак не могла переварить факт своего обеда в компании Грина.

– Я... Я из Грей Плэйс. Мои родители переехали из Форест Хилл еще до моего рождения, – сконфуженно отозвалась Лесли, поправив свои милые очки.

– У тебя есть братья или сестры? – не прекращал невозмутимо вгонять в краску девушку Кай.

– Нет... Только двоюродные, но они живут в Оттаве, так что мы очень редко видимся.

– Отсюда до Оттавы добираться целую жизнь, – подтвердил Кай, словно стараясь раскрепостить блондинку.

– Да, но они приезжают к нам почти каждое Рождество, а я езжу к ним на летние каникулы.

– И много у тебя кузенов?

– Два брата и сестра по отцовской линии, и еще две сестры по линии мамы. Они классные...

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Кай, после чего снова перевел взгляд на меня.

– А у тебя есть братья или сестры?

– У меня? – переспросила я, наблюдая за тем, как Лесли встает из-за стола. – Нет, я одна. Лесли, ты куда?

– Я забыла взять себе напиток.

– Возьми моё молоко, – пододвинула свой стакан я. – Я всё равно не хочу.

– У меня непереносимость лактозы, – резко покраснев, скомкано ответила девушка, после чего буквально пропищала. – Я скоро вернусь.

– А у тебя есть братья или сестры? – проводив Лесли взглядом и встретившись взглядами с группой девушек за соседним столиком, обратилась к Каю я.

– У меня весьма большая семья, – заулыбался Кай. – Я живу в одном доме с родителями, дядей, тремя старшими сестрами и двумя бойфрендами сестер.

– Ничего себе, – ухмыльнулась я. – Вы, наверное, как кильки в банке.

– Нет, у нас достаточно большой дом, так что с личным пространством проблем не возникает, – продолжал улыбаться Кай.

– У меня никогда не было большой семьи, так что даже представить себе не могу подобные семейные отношения... Мне пора на французский, – мгновенно отреагировав на звонок, произнесла я, после чего ловко вышла из-за стола.

В течение дня я только и думала, что о Кае Грине, а после уроков мы вообще застряли на стоянке, демонстративно общаясь друг с другом и совершенно не обращая внимания на недовольные лица ровесников, которые явно имели виды на нас обоих – местные парни уже трижды пытались в открытую подкатить ко мне с одним и тем же предложением сходить с ними в кино на “Страсть и ничего больше”, Кай же явно страдал от переизбытка внимания со стороны женского пола.

– Не хочешь сходить на “Страсть и ничего больше”? – внезапно заулыбался Кай, сразу после рассказа о пристрастии его матери к теплицам. “Только не на этот кошмар!” – пронеслось у меня в голове, после чего я криво улыбнулась.

– Можно было бы, – подавляя свои громкие мысли, произнесла я, явно не желая отказывать этому парню третий раз к ряду. – Может быть, на следующей неделе? – Решила оттянуть этот ужас я.

– Отлично, – довольно заулыбался парень. – Билеты с меня.

– Только не покупай заранее – лучше согласовать время, – попыталась улыбнуться я.

Я никак не могла понять, что меня цепляет в этом персонаже. Меня тянуло к нему невидимой силой, очень, но почему? Я снова не чувствовала бабочек внизу живота, о которых рассказывала мне мама, говоря со мной о Генри. *Может быть, у меня в животе вообще нет никаких бабочек? Только желудок, печень и селезенка...* В итоге мы около получаса простояли под моросью, пока я не начала стучать зубами вслух.

Выгуляв Гангстера, я, наконец, оказалась в своей прохладной комнате и с облегчением напялила на себя теплую толстовку. Ездить на мопеде по такой погоде – прямой путь к воспалению легких, но лучше Джордану об этом не говорить, чтобы в итоге не пришлось ходить пешком сквозь лес, по шесть километров в день.

Получив от Джордана смс-сообщение о том, что сегодня он приедет лишь около одиннадцати, я села ужинать в одиночестве и уже почти расправилась со своей порцией гречневой каши с рыбой, когда в дверь раздался звонок. Это была почтовая доставка – мои вещи, наконец, нашли своего хозяина, вот только к двум огромным коробками прилагалась еще одна плоская, широкая посылка, неизвестного для меня происхождения. К моему счастью, курьер – разговорчивый мужчина лет тридцати – согласился помочь мне затащить коробки наверх. За следующие пять минут я узнала всё о его пятилетней дочери и рожденном на прошлой неделе сыне, отчего мне стало неожиданно тепло. Наверное, сама мысль о том, что в этом забытом всеми городке тоже можно жить полноценной, счастливой жизнью, меня в какой-то степени воодушевляла.

Проводив курьера, я поднялась наверх и, под пристальным наблюдением Гангстера, перетаскивала коробки с лестничной площадки в свою комнату. Следующий час я разбирала знакомые вещи, но так и не смогла заполнить огромный шкаф хотя бы наполовину. Добравшись до

посылки неизвестного происхождения, я прочла мелкий почерк, в котором узнала свою мать: *“Моему рассвету”*. Улыбнувшись внутрь себя, я распаковала коробку и замерла, увидев новый, идеальный мольберт.

Отодвинув стол чуть правее от окна, я собрала и установила мольберт впритык к подоконнику. Как же я наслаждалась тому, что теперь могла сидя на столе работать над картиной, совершенно не переживая за стойкость своего творения!

Проверив электронную почту, я прочла огромное письмо матери и ответила ей еще большим количеством символов, когда мне пришло оповещение из социальной сети – Кай Грин стучался ко мне в друзья. Я не успела принять предложение дружбы, когда получила от него сообщение:

– Привет, как твои дела?

– Привет. Вроде бы за пару часов ничего не изменилось.

– Чем занималась?

– Разбирала свои вещи и впервые получила от данного процесса столько удовольствия – словно распаковала счастливое прошлое и расфасовала его по полкам этого города.

– Ты несчастна на новом месте?

Я подумала, прежде чем ответить:

– Нет, не так. Я вполне довольна новым местом жительства. Просто здесь откровенно скучно. Кажется, мой дядя вернулся с работы – пойду его встречать. До встречи?

– До скорой встречи.

Не знаю почему, но я улыбалась во время нашей переписки. К моему неожиданному сожалению, на странице Кая не оказалось ни единой фотографии, кроме его карандашного портрета, который стоял у него на аватаре.

– Можно на тебя положиться?

– Если честно, даже облакачиваться не советую, – улыбнувшись в ответ Каю, с которым мы встретились у моего локер-шкафа перед началом занятий, ответила я.

– Приглашаю тебя на вечеринку, – протянув мне листовку, широко улыбнулся парень.

– Оу, сегодня? – разочарованно спросила я, вспомнив о своём обещании сходить сегодня вечером с Джорданом в кафе-бар Констанс.

– Нет, – явно уловив моё разочарование, заглянул мне в глаза Кай. *– Вечеринка будет в пятницу вечером у меня дома. Ты придешь?*

– Значит завтра? Тогда приду, – довольно ухмыльнулась я.

– Обещаешь?

– Обязательно буду, – закивала головой я, рассматривая листовку. *– Начало в восемь?*

– Да.

– В честь чего вечеринка?

– Просто для того, чтобы Грей Плэйс не был скучным.

“Только не говори, что вечеринка устроена из-за меня!” – кричало моё смутившееся под сознание, резко вспомнившее содержание нашей вчерашней переписки.

– Погоди, я не знаю, где ты живешь... – решила перевести тему я, опустив глаза в листовку, чтобы в очередной раз не встречаться взглядом с парнем.

– Я твой сосед, – сорвался на смешок Кай.

– Сосед? – удивленно вздернула брови я. *– У меня по соседству только два поля и лес.*

– Не доезжая ста метров до твоего дома, слева есть асфальтированная дорожка, разделяющая эти самые два поля напополам. Повернешь на нее, после чего через триста метров

войдешь в лесную черту. Еще четыреста метров через небольшой отрезок леса и двести по окраине опушки, после чего ты благополучно окажешься у моего дома.

– Оу, круто, – неловко улыбнулась я. Так это его дом просматривался в окно моей спальни и именно его я начала вчера рисовать? Дурацкое совпадение.

– Давай я заеду за тобой.

– Не стоит, я сама доберусь, – взяв учебник из своего шкафчика, машинально отказалась я, желая показать, что я не маленькая и не заблужусь, как вдруг поняла, что в очередной раз отказала этому парню в столь деликатном вопросе! Я прикусила язык и решила, что если он еще раз спросит меня о моём сопровождении – я обязательно соглашусь на его предложение, но он больше не спрашивал.

– Вечеринка у Греев? – разрезая пиццу, приподнял брови Джордан. – Я рад слышать, что ты с такой скоростью заводишь себе друзей. Тем более рад тому, что они правильные.

“Что значит “правильные”?” – подумала я, но решила обойтись без сарказма. Мы сидели в баре Констанс за уединенным столиком, с трех сторон окруженном темными стенами, обитыми мягкими панелями из экокожи. Мягкие стены и приглушенный свет создавали выгодное впечатление домашней обстановки, вот только едкий запах дыма сигарет всё немного портил.

– Нет, не к Греям. Его фамилия Грин. Кай Грин. Он мой ровесник.

– Я знаю, кто это. Весь город знает. Очень интересная семья. Этот город когда-то принадлежал семейству Греев, отсюда и название – Грей Плэйс.

– А я думала, что название пошло от “серого места”.

– На самом деле, название пошло от “места, принадлежащего серому”. В итоге получилось “Грей Плэйс”. Дядя твоего нового знакомого – прямой потомок основателя этого города. Его сестра, по совместительству мать Кая, замужем за человеком, намного превышающем её в возрасте. Семейная чета имеет троих дочерей и младшего сына, который и пригласил тебя на вечеринку. Насколько я знаю, вместе с ними еще живут молодые люди двух дочерей, если только я ничего не путаю.

– Семья из девяти человек – это нечто, – прожевав кусок пиццы, отозвалась я.

– Да уж, – нахмутив густые брови, о чем-то на мгновение задумался Джордан, после чего резко вышел из транса. – Если подумать, Грей постоянно жили в этом городе в разные промежутки времени. Последний Грей умер около шестидесяти лет назад, дожив едва ли не до столетнего возраста. Его же внук или даже правнук, Рудольф Грей, приехал сюда около года назад, привезя с собой и семью старшей сестры. Их дом был достроен за месяц до их приезда и вроде бы он принадлежит именно Рудольфу, так что можно считать, что ты идешь в гости к Грею, а не к Гринам.

– Кто идет в гости к Греям? – громко спросила незаметно подошедшая Констанс, поставив перед нами поднос с графином свежесжатого сока. – В честь вашего прихода я заставила повара попотеть, – ухмыльнулась жилистая женщина, сев сбоку от меня. – Так что там с Греями?

– Меня пригласил на вечеринку Кай Грин.

– У Греев будет вечеринка? – удивленно вздернула брови Констанс. Взрослые словно совершенно не реагировали на фамилию Грин, моментально переводя все свои ассоциации на более звучную для этого города фамилию Грей.

– Вроде как соберется полшколы, – криво улыбнулась я.

– Ну да, там, должно быть, есть где разгуляться, – задумчиво произнесла Констанс. – Я не знаю твоего Кая...

– Он не мой, – почему-то почти смутилась я.

– Но я знаю Рудольфа, – не обратив никакого внимания на моё замечание, продолжила хозяйка заведения. – Идеальный мужчина. Я бы с ним переспала, честное слово.

– Как же твой муж? – округлила глаза я.

– Какой муж? – широко и как-то раскрепощенно заулыбалась собеседница. – Думаешь, я не в состоянии собственноручно сколотить бизнес в виде кафе-бара и родить сына? Кстати, насчет Тони. Негодяй сегодня пришел со школы с повесткой о вызове на ковер к классному руководителю. Причина – разбитый нос одноклассника. Чувствую, что мне снова придется слушать дурацкие речи этой стервы о том, что моему ковбою необходима мужская рука. Ей самой необходима мужская рука в области её ягодиц, каждый пятничный вечер торчащих из-под мини-юбки в баре у Мортимера.

– Тони уже десять лет, может быть ему и вправду стоит пообщаться с взрослым мужчиной? – поедая свою пиццу, заметил Джордан.

– Отличная идея. Возлагаю это бремя на тебя, о, рыцарь.

– На меня?!

– Ты ведь взрослый мужчина? И потом, я же присматривала за твоим псом.

– До тех пор, пока Тони не разрисовал его в зебру.

– Вот видишь – тебе есть о чем поговорить с мальчишкой. Тебе вообще стоит больше проводить время со своими друзьями, а то из-за этой отвратительной истории с Грейс... Знаешь, – вдруг обратилась ко мне Констанс, – Грейс работала маникюршей и, нужно отдать ей должное, делала превосходный маникюр, но всегда была последней стервой в этом милом городе. Феликс же – её любовник – был средним автослесарем и тому, что он оказался подонком, я не удивилась. Моя тачка после его работы ломалась ровно один раз в неделю, как по часам, пока я собственноручно не перебрала карбюратор. У чувака реально руки из задницы торчат, зато эти руки теперь будут с отличным маникюром. Ладно, не смотря на то, что я единоличный владелец этого задрипанного заведения, я сегодня еще и официантка по совместительству – пришлось отпустить Майли пораньше, на свиданку со страстным мучачо.

На особой волне я уловила, что Джордану не понравился монолог Констанс о его бывшей жене, но он ничего не сказал, будучи слишком терпеливо-добрым, а Констанс высказала всё, что думает, будучи чрезмерно прямолинейной.

10. Фейерверк бабочек

Кажется, я слишком сильно переживала перед походом на вечеринку в поместье Греев, о чем в предвкушении гудела вся школа. Я как раз садилась за столик в столовой в компании с Мелвином и Гарри, когда второй, запинаясь, вдруг спросил у меня:

– Ты уже решила, с кем пойдешь на вечеринку?

– Что? – непонимающе переспросила я.

– На вечеринку... К Греям... Просто я подумал, что ты могла бы согласиться пойти со мной или с Мелвином, например.

– Оу, нет... Я уже решила идти одной, так что...

– Всё. Понятно. Без вопросов, – поднял руки вверх парень.

– Я ведь говорила, что она не согласится, – улыбнулась севшая рядом с парнями Джина.

– Тогда, может, согласишься ты? – нагло, с присущей ему недовольством, усмехнулся Мелвин.

– Я не подбираю остатки, – резко оборвала парня Джина. – Тем более меня уже пригласили... Сейчас как раз работаю над статьей о десяти ошибках парней-неудачников...

Интересно, вчерашнее приглашение Кая подвезти меня – это было приглашение? Даже если так, я его успешно проморгала. На переменах между уроками мы с Каем пересекались как никогда часто, и всякий раз он напоминал мне, что непременно хочет увидеть меня на вечеринке, но больше так ни разу и не предложил за мной заехать. Наверное, я сильно ударила по его решительности несколькими отказами подряд – сначала отказалась сходить куда-нибудь после волейбола, затем отказалась довести себя до дома и шла пешком, потом отложенный поход в кино и очередной отказ заехать за мной перед вечеринкой. Я пришла к выводу, что сама не знаю, чего хочу от этого эталона мужчины в подростковом возрасте.

Уже стоя в ванной перед зеркалом, я красилась с мыслью о Генри. Последние несколько дней я никак не могла понять, почему всякий раз думая о Кае, я вспоминала о голубоглазом блондине, но сейчас мне казалось, что всему виной бестолковое чувство вины. Причем перед обоими парнями. Странное, необъяснимое чувство, которое я никак не могла в себе подавить.

Через окно своей спальни я наблюдала за проезжающими между полями машинами, направляющимися в сторону поместья Греев, и, судя по их количеству, уже в половину восьмого на вечеринку съехалась треть всей школы. Я же решила выехать из дома ровно в восемь, чтобы не нарушать границы заданного времени, поэтому еще десять минут после полной готовности сидела в гостиной и мерно поглаживала отстраненного Гангстера. Не смотря на то, что Джордан сегодня работал в ночную смену, он не пренебрег основными наставлениями опекуна и попросил меня вернуться домой до полуночи, на что я всего лишь пожалала плечами. Кажется, он вообще перестал переживать на счет вечеринки, когда узнал, что она будет проходить в поместье Греев.

Закрыв дом, я, со шлемом в руках, подошла к своему мопеду. Сегодня был самый теплый день за всю историю моего пребывания в Грей Плэйс, однако я не смогла в полной мере насладиться нежными лучами солнца, из-за дурацких мыслей о Кае и Генри – кажется, из-за отсутствия нормального образования, мой мозг решил немного деградировать на гормональном фоне и переключиться на мысли о парнях.

Ночь уже почти наступила, и на улице было на удивление тепло, отчего я решила не застегивать до конца свою кожаную куртку черного цвета. Сев на дряхлый мопед, я вставила ключ в зажигание и... Каково же было моё разочарование, когда я поняла, что старая кляча отказывается со мной сотрудничать в самый ответственный момент! В отличие от Констанса, я абсолютно ничего не понимала в карбюраторах, так что мне ничего не оставалось, как только

на протяжении десяти минут тщетно пытаться привести в действие этот кусок металлолома, после чего, в полном разочаровании, закрыть его в сарае.

Мой мобильный показывал двадцать минут девятого, когда мне оставалось около ста метров к куску леса, за которым прятался особняк Греев-Гринов. Как раз в момент, когда я вкладывала телефон во внутренний карман куртки, за моей спиной разлился свет фар. Я не делала знака автостопа – машина сама остановилась справа от меня.

– Привет, – заулыбалась Джина из-за приоткрытого окна водительского места. – Я позавидовала тачку у брата – тебя подкинуть?

– Круто, – улыбнулась в ответ я.

– Керк, придурок, сваливай отсюда, – толкнула в бок рядом сидящего парня Джина, заставив его, не вылезая из машины, перебраться на заднее сиденье, где уже сидело два парня и девушка. – Тебе не сильно повезло, – ухмыльнулась Джина, когда я села справа от нее. – Я получила права только месяц назад, так что я тот еще гонщик. Парковаться задом – это вообще не мой конек.

– Мы ведь не собираемся парковаться задом, – ухмыльнулась я.

– Зная Джину – нам этого не избежать, – раздался гулкий смех сзади, но я даже не предполагала, что парень не шутит. Джина реально решила парковаться задом между двумя серебристыми ауди. В этот момент я захотела выйти из машины, но вдруг подумала, что так буду выглядеть предательницей, и, в итоге, до последнего консультировала девушку, глядя в своё боковое зеркало заднего вида.

– Йоху! Мы сделали это! – закричал один из парней на заднем сиденье, давая мне понять, что я попала в компанию особых оторв.

Музыка на вечеринке была настолько громкой, что её было слышно даже из закрытой машины, стоящей на газоне напротив поместья. Само поместье оказалось трехэтажным, деревянным построением из бруса огромного диаметра и перед ним, как я и предполагала, рисуя свою картину, раскинулось достаточно большое поле, высаженное газонной травой. У выезда из леса, на границе с въездом на окраину этого поля, стоял поднятый шлагбаум, но больше всего меня поразило, что асфальтированная тропинка, ведущая от главной дороги, пролегла почти до самого поместья, где переходила в красивый пятачок, выложенный каменной брусчаткой.

Газон перед поместьем был переполнен машинами, из-за чего нашей компании пришлось пробираться сквозь лабиринт из автомобилей.

– Наверное, мы последние, – громко засмеялась Джина, задев рукавом боковое зеркало зеленого рено.

Поднявшись к поместью по не слишком длинной лестнице, мои спутники уже у входа начали подпрыгивать в такт вырывающейся из поместья музыке, и уже через огромные панорамные окна, соединенные с просторной террасой, было видно, что веселье находилось в самом разгаре – сотни разноцветных прожекторов мерцали по забитому до отказа танцполу, и дом едва ли не дрожал от топота танцующих.

Когда мы вошли внутрь, музыка буквально врвалась оглушительной волной в мои уши, отчего мне вдруг стало весело – я словно вернулась обратно в Истборн, и из толпы веселящихся незнакомцев на меня вот-вот должны были ринуться мои старые друзья. Мне казалось, будто я век не была на вечеринке, хотя последний раз я посещала одну из них всего лишь две недели назад.

Я уже хотела влиться в веселящуюся толпу, последовав за компанией, с которой приехала, когда увидела Кая, стоящего у стола, переполненного разнообразием напитков и коробками с пищей. Повесив свою куртку на заполненную вешалку у входа, я подошла к Грину, широко улыбаясь в ответ на его улыбку.

– Привет, – громко произнесла я, пытаюсь перекрыть музыку, после чего бросила взгляд на диджея. – Крутая вечеринка.

– Организатор не я, – явно довольно заулыбавшись от моего комплимента, Кай чуть-чуть отстранился, показав на стоящую за его спиной девушку. Она была настоящей красоткой, примерно моего роста, с темными волосами еле уловимого бордового оттенка, красивеньким носиком, милыми ямочками на щеках, проступающими во время белоснежной улыбки, и карамельными глазами. Девушка была одета в клетчатую юбку до пола и майку с красивым декольте, но изюминкой её наряда была темно-бордовая кепка с миниатюрным козырьком, а её идеальную, осиную талию отлично подчеркивал широкий черный пояс, надетый поверх обтягивающей майки.

– Ариэлла, – протянула мне руку светящаяся улыбкой девушка, словно уже ожидала знакомства со мной.

– Моя сестра, – пояснил Кай. – Самая младшая из сестер.

– Зато я старше Кая на четыре года, – заулыбалась Ариэлла, и я вдруг поняла, что у нее такая же улыбка, как и у её брата. У каждого из них оба верхних третьих зуба были немногим острее и длиннее остальных зубов, чем выделялись из общего строя белоснежных красавцев.

– Вы похожи зубами, – постучала себя указательным пальцем по сжатым зубам я.

– Я раньше не обращала на это внимания – широко улыбнулась Ариэлла, явно желая пообщаться со мной подольше. – У тебя разве эти зубы не такие же?

– Нет, – усмехнулась я, подумав о странности нашего диалога, который по глупости начала именно я. – У меня самые обыкновенные зубы.

– И вправду, – продолжала улыбаться Ариэлла. – Я так рада с тобой познакомиться. Кай очень много рассказывал о тебе.

– Правда? – неподдельно удивилась я. – Я всего несколько дней как приехала в Грей Плэйс и пару дней, как познакомилась с Каем...

– Оу, Рудольф, смотри, это моя будущая девушка, – усмехнулся Кай куда-то в толпу, и я посмотрела влево, следуя за взглядом Грина. Я уже слышала от Джордана и Констанса о дяде Кая по имени Рудольф, поэтому ожидала увидеть перед собой солидного мужчину в солидном возрасте, но рядом со мной остановился огромный, молодой парень. Говоря “огромный” я имею в виду не только рост, но и общую комплекцию. Он был примерно под два метра ростом, с идеально пропорциональным телом едва ли не бодибилдера, с густыми, светло-каштановыми волосами длиной до лопаток (на фоне таких локонов у девушек может развиваться настоящий комплекс неполноценности), аккуратно подстриженной, короткой, густой бородой и невероятно яркими, четко очерченными, изумрудными глазами. Встретившись с этими глазами, у меня в мозгу мгновенно что-то щелкнуло.

– Ого, какой большой, – не удержавшись, вслух произнесла я первое, что воспроизвел мой мозг, после чего взяла незнакомца за протянутую им в мою сторону руку, чтобы ответить на его приветствие. Как только мы соприкоснулись пальцами, взрыв внизу моего живота едва не подкосил мне ноги. Это не были бабочки, о которых рассказывала мне мама – это были разрывы фейверков невероятной мощности, разных форм и цветов!!!

– Не меньше метра девяноста, – улыбнулся в ответ Рудольф, после чего мы словно зависли в пространстве. Музыка стала глуше, цвета ярче, запахи острее... Мы не выпускали рук друг друга, и я смотрела снизу вверх своими широко распахнутыми глазами в завораживающие изумруды, и чувствовала себя глупой бабочкой, угодившей в сеть коварного паука. Более красивого мужчины я прежде не встречала, что отметила почти сразу и сразу же оборвала себя, приказав не думать о подобном: “Нет-нет-нет... Я не жалкое насекомое – меня так просто не съешь”, – пронеслось у меня в голове, после чего я неохотно буквально вытащила свою руку из его руки, случайно обратив внимание на красивое кольцо-печатка на его указательном пальце.

– Я не... Эм... Слова Кая о том, что... Я не собиралась с ним... – начала выводить руками в воздухе запутанный клубок я, через силу оторвав взгляд от взгляда Рудольфа Грея, после чего взглянула на Кая и, наконец, смогла вернуть себе дар речи. – Встретаться, – уверенно подытожила свою маразматическую речь я. – Просто Вы его дядя, и я не хочу, чтобы моё присутствие на этой вечеринке неправильно воспринимали... – я снова посмотрела на Рудольфа и снова встретилась с его пронзительным взглядом, который всё это время был прикован ко мне. Посмотреть на него снова – фатальная ошибка. Связь моего мозга с и без того заплетающимся языком снова была нарушена, и мои слова в очередной раз предательски спутались. Подобного со мной прежде еще не случилось.

– Ясно, – скрестив руки на груди, коротко ответил Рудольф, продолжая впиваться в меня взглядом, отчего по моему телу уже начинали бегать мурашки. Мы в очередной раз застыли, и я была уверена в том, что еще несколько секунд – и между нами ударил бы электрический разряд, если бы я снова не пересилила себя и не отвела взгляд, на сей раз посмотрев в сторону Ариэллы, но встретилась взглядом с рядом стоящей девушкой, волосы которой были окрашены в шикарный пепельный блонд. Она была чуть выше Ариэллы и немногим крупнее её. У девушки были красивые серо-голубые глаза, пухлые губы и каштаново-серые брови. Она была такой же красавицей, как и Ариэлла, только другого типа.

– Меня зовут Пепел, – заулыбалась незнакомка, протянув мне руку.

– Пепел? – тяжело выдохнула я, продолжая чувствовать на себе жгучий взгляд Рудольфа, всё еще смотрящего на меня сверху вниз.

– В честь волос, – потерев себя по макушке девушка, и я поняла, что это скорее кличка, нежели имя, данное при рождении, потому как подобного оттенка натуральных волос в природе попросту не существует. – Я сестра Кая.

– Старше меня на два года, – улыбнулась Ариэлла после того, как Пепел положила свою руку на её плечо.

– Мне двадцать три, – довольно ухмыльнулась Пепел. – Я младше своего дяди на два года, – кивнула головой в сторону Рудольфа девушка, и я уже хотела поднять на него взгляд, когда вовремя одернула себя, чтобы не зависнуть на этом персонаже снова.

– Вы не похожи, – провела пальцем в воздухе между Ариэллой и Пепел я.

– Так бывает, – пожалала плечами Пепел. – Родные братья и сестры могут быть совершенно несхожими между собой.

– Ладно, мы пойдем танцевать, – неожиданно взяв меня за правое запястье, отправился в танцующую толпу Кай, чем спас меня от разбушевавшегося внутри меня пожара, с каждой секундой разгорающегося всё с большей мощностью. Еще одна минута, проведенная рядом с Рудольфом, могла бы стоить мне крыши – она бы просто съехала.

Я еще долго приходила в себя от внутреннего потрясения, пока, наконец, не слилась с толпой. Давно я не танцевала со столь сильной отдачей – казалось, будто еще чуть-чуть и я выпрыгну из себя. Кай танцевал напротив меня, широко улыбаясь и выкрикивая вместе со мной слова популярных песен, но я словно не видела его, полностью растворившись в пространстве с людьми, танцующими рядом со мной. Оказалось, что без остановки мы протанцевали целый час, но я узнала об этом лишь когда вырвалась из толпы, к противоположной от выхода на улицу части танцпола.

– Круто танцуешь! – прокричал прямо мне в ухо Кай.

– Да я просто прыгаю! – засмеялась я. – Хочу пить!

– Пошли на кухню! – снова прокричал Кай, и я отправилась за ним вглубь дома. После того, как массивная дверь за нашими спинами захлопнулась, музыка стала играть чуть тише, и мы оказались на просторной кухне, размеры которой составляли размеры гостиной Джордана. Здесь уже были знакомые мне Рудольф, Ариэлла и Пепел, и еще шестеро незнакомых мне людей. Они стояли вокруг высокого, квадратного стола для готовки, установленного в

центре комнаты, под которым располагались шкафчики и посудомоечные машины. Первым представился мужчина лет шестидесяти восьми, который в своем возрасте выглядел заправским спортсменом. По факту, его возраст выдавали лишь седые волосы и глубокие морщины вокруг глаз.

– Раймонд, – неожиданно подойдя ко мне, пожал мою руку мужчина. – Отец Кая.

– Олуэн, – сразу же подошла ко мне красивая женщина с идеально завитыми и уложенными темно-каштановыми волосами, и невообразимо милой улыбкой, скрывающей её белые зубы. У женщины были невероятно добрые голубые глаза и обворожительные ямочки на щеках. – Я мама Кая, – добавила женщина, чем подтвердила слова Джордана о разнице в возрасте между супругами – она была минимум на двадцать лет младше своего мужа.

– Залина, – приподняла вверх стакан, по-видимому, с алкоголем, длинноногая блондинка, стоящая в противоположном конце кухни. В отличие от остальных, её аура показалась для меня холодной, если вообще логично говорить о таких вещах, как аура. Девушка была очень красивой, со струящимися бело-пшеничными волосами до лопаток, но некрасиво сильно отросшими, черными корнями волос. Помимо длинноногости она обладала заманчивым глубоким декольте и холодными черными глазами. “Отталкивающая красотка”, – подумала я, когда Олуэн сказала, что это её старшая дочь, после чего Пепел добавила, что Залина старше нее всего на год. Удивительно, как непохожи между собой были дети мистера Раймонда и миссис Олуэн! Словно все они были от разных браков.

На кухне не оказалось только парней Пепел и Ариэллы, о которых прежде рассказывал мне Кай. Раскрасневшаяся, с колотящимся сердцем, я ощущала себя неловко, словно меня “случайно” привели на знакомство сразу со всей семьей.

– Мы пришли попить, – взмахнула рукой у шеи я, после чего Залина налила полный стакан неизвестной мне жидкости и протянула её Рудольфу, чтобы тот передал его мне. Только не это! Мне совсем не хотелось брать стакан из его рук... Однако у меня не было выбора, поэтому я постаралась принять напиток, не смотря ему в глаза.

– Спасибо, – как можно более невозмутимо произнесла я, после чего сделала решительный глоток и... Огонь! Еще никогда в жизни я не пила ничего подобного! Половину я проглотила прежде, чем брызнула вторую часть через плечо прямо на пол, совершенно не задумываясь о приличиях.

– Что это?! – едва не сорвалась на крик я, оставив стакан на стол. Пожар во рту заставлял мой язык пульсировать...

– Триконит, – изогнул бровь Рудольф, словно чего-то ожидая от меня.

– Что?! Это ужасно... Как вы это пьете?! Мне срочно нужно в уборную...

Кай отвел меня в расположенную рядом ванную комнату, после чего, заперевшись, я склонилась над раковиной. Неожиданно для себя самой, я начала извергать из себя выпитое. Когда же спазмы, сжимающие моё горло на протяжении всех пяти минут, прошли, я вымыла лицо холодной водой и посмотрела в зеркало. Мои прежде темно-синие глаза приобрели янтарные крапинки, отчего бы мне стало не по себе, если бы я подробно рассмотрела их, но я не смогла – в глазах появилось незначительное помутнение.

В принципе, после того, как меня стошнило, я стала чувствовать себя лучше – по крайней мере, я так считала. Выйдя из ванной, я увидела Кая, стоящего спиной ко мне, у входа на кухню справа по коридору, и направилась к нему. Переступив порог кухни, я встретилась взглядом с Пепел, рядом с которой Олуэн шваброй протирала выплюнутую мной жидкость.

– Я приношу свои извинения, – вытащив руки из задних карманов джинс, произнесла я. Все члены семьи всё еще находились на своих местах. – Я прежде не пила крепкого алкоголя... Мне очень жаль...

– Ничего страшного, – добродушно заулыбалась Олуэн. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – попыталась, как можно более бодро произнести я, после чего дотронулась до верхней губы, почувствовав на ней неожиданную горечь. Посмотрев на свои окровавленные пальцы, я вдруг поняла, что у меня идет кровь носом – это последнее, что я видела перед тем, как накренилась назад.

11. Глаза

Нарастающая мелодия, мужчина, стоящий спиной ко мне, танцующая девушка со звериными ушами, горящее поле и снова мужчина... Сон не хотел рассеиваться даже после того, как я приподняла свои отяжелевшие веки.

– Она очнулась, – произнесла склонившаяся надо мной Ариэлла. Лишь спустя минуту я, наконец, поняла, что именно происходит – я лежу на холодном кухонном кафеле, моя голова расположена на коленях у Ариэллы, а мой пульс прощупывает неизвестный мне парень.

– Это Дариуш, – попыталась выйти со мной на диалог девушка, – парень Пепел.

– Он младше меня на год, – явно довольствуясь своим старшинством, заявила нависшая надо мной Пепел. Дариуш был брюнетом со средней длиной волос, глазами странного, синекоричневого цвета, и он обладал весьма стройным телом – он был немногим крупнее Кая, однако намного мельче Рудольфа. Когда Пепел определила его возраст, я поняла, что девушка помешана на цифровых обозначениях, после чего попыталась встать, но, в итоге, смогла лишь сесть, и то только благодаря помощи Дариуша. Проморгавшись с минуту, я, наконец, выгнала из глаз последние звездочки, после чего с облегчением выдохнула.

– Я долго провалялась? – поинтересовалась слегка надломленным голосом я.

– Уже почти десять минут, – ответила Ариэлла, посмотрев на наручные часы.

– Пффф... Ладно, – уже вставая на ноги, произнесла я. – Хотя мне и лучше, мне всё же стоит вернуться домой.

Выйдя из кухни и очутившись в гостиной, я увидела всю семью Кая в сборе – они провожали последнюю компанию гостей. Удивившись быстрому окончанию вечеринки и надеясь на то, что причиной тому стала не я, я направилась к выходу. Приняв свою куртку из рук Залины, я еще раз отметила её сильно отросшие черные корни волос, переходящие в нежный блонд, и уже хотела выйти с остальными гостями, когда Кай задержал меня за локоть.

– Давай я тебя подвезу? – с обеспокоенным лицом спросил парень.

– Не стоит... Я извиняюсь за произошедшее, – обратилась я к собравшемуся у выхода семейству. – Глупый инцидент. Со мной прежде такого не было... Я самостоятельно доберусь до дома.

Все, кроме Рудольфа, очень мило попрощались со мной, после чего я вышла на деревянную террасу и вдохнула свежий воздух полной грудью. Ночь была невероятно звездной, но, из-за сжатия желудка и, кажется, даже почек, я не могла ей насладиться.

– Что ты там замерла? – прокричал один из парней, с которым я приехала на вечеринку на машине Джинны. – Ты едешь?

– Да... – только начала отвечать я, когда звучный мужской баритон, от которого мои внутренности сжались еще сильнее, прозвучал где-то над моей головой.

– Я её подвезу, – спокойно и одновременно громко оборвал меня некто, и я обернулась, чтобы посмотреть на говорившего. Рудольф Грей надевал на себя кожаную куртку, стоя в шаге за моей спиной.

– Не стоит...

– Пошли, – снова оборвал меня Грей, и я сразу поняла, что он не из тех, кто привык обращать внимание на дурацкие просьбы.

Уже спустя минуту после того, как мы спустились с террасы, мы подошли к черному рендж роверу. Машина словно была отражением своего хозяина – такая же габаритная и солидная. Рудольф уже потянулся открывать для меня дверь рядом с водителем, когда я сделала рокировку и открыла заднюю дверцу – я просто не могла себе позволить допустить столь сильную осечку и сесть рядом с этим... Дядей! Я не хотела чувствовать себя уязвимой девчонкой рядом с королем львом, которого он так сильно напоминал своей шелковой гривой. К оконча-

нию этого, во всех смыслах головокружительного, вечера, я хотела сохранить свои последние частички здравомыслия и остатки самообладания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.